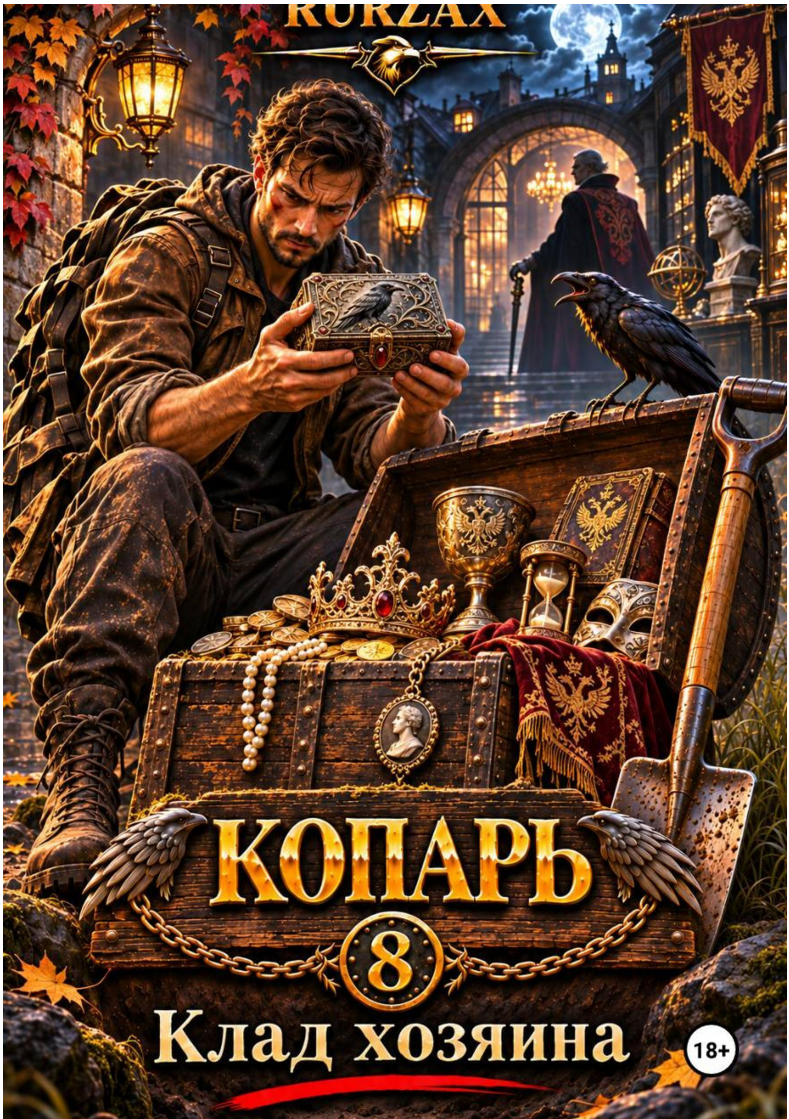

RURZAX
КОПАРЬ
8
Клад хозяина
18+

RURZAX RURZAX
Клад хозяина

https://litres.ru/74873508
SelfPub; 2026

Аннотация

Пустая жестяная коробочка с чёрным вороном. За неё предлагают двести тысяч рублей. А когда Артём Горин отказывается продавать чужую вещь, выясняется, что покупатели готовы на всё, лишь бы заполучить её.

След ведёт к Виктору Вельскому — богатому коллекционеру, который привык покупать не только старое золото, но и чужое молчание. Впереди четыре клада, призрак скрипача, способный превратить концерт в кошмар, вурдалак, выскакивающий из тени, опасный заложный покойник на лесной тропе и ведьма со своими счётами к хозяину Чёрного торга.

Горину снова придётся драться, спасать друзей, договариваться с нечистью и уворачиваться от магических ударов. Хорошо, что рядом Марина, Фёдор, Важин и другие союзники. Плохо, что у каждого собственные проблемы, а врагов становится всё больше.

Но последний клад окажется опаснее остальных. Вельский собирается окончательно подчинить себе торговлю чужими сокровищами и судьбами. И на этот раз Горину придётся поставить на кон гораздо больше, чем деньги.

Содержание

Глава 1. Коробочка с вороном 4
Глава 2. Слишком дорогой билет 22
Глава 3. Концерт для лишних 39
Глава 4. Тяжёлая нота 56
Глава 5. Серебро в тишине 72
Глава 6. После аплодисментов 90
Глава 7. Скупщик всех кладов 106
Глава 8. Чужой долг 124
Конец ознакомительного фрагмента. 141

RURZAX
Клад хозяина

Глава 1. Коробочка с вороном

Данила появился на пороге мастерской с утра пораньше. Я сразу понял: вчерашний вечер закончился подозрительно хорошо.

Мелкий дождь стучал по навесу. В лужах парковки дрожали отражения фар, за воротами водители спорили из-за занятого места, а у нас с Женей стоял обычный рабочий день: два автомобиля на подъёмниках и ещё один клиент, который обещал приехать «буквально на минуту». У автомобилистов «минута» — отдельная единица времени. Иногда длиной в месяц.

Данила пришёл без своего приметного шарфа. На скуле оставался синяк. Он не стал здороваться с Женей, не полюбопытствовал, чем я занят, и сразу кивнул на дверь в маленькую комнату за рабочими постами.

— Поговорить надо. Без зрителей.

— Тебя вчера предупреждали, что советы у меня дорогие.

— Не за советом.

Он оглянулся через плечо. Для человека, который совсем недавно уверял меня, будто никому ничего не должен, это

был слишком честный взгляд.

Я предупредил Женю, что отлучусь на пару минут. Тот посмотрел на Данилу, на мокрые следы от его ботинок и сказал:

— Если продавать машину пришёл, я в этом не участвую. Особенно если она чужая.

— Мне уже понравилось, — буркнул Данила.

Мы прошли за перегородку. Я прикрыл дверь, но не запер: после последних приключений любые двери, которые нельзя открыть с одного движения, вызывали у меня профессиональное недоверие.

Данила достал из внутреннего кармана металлическую коробочку. Чёрный ворон на крышке распластал крылья так уверенно, словно собирался предъявить права на всю комнату. Я узнал предмет без всякой помощи смертного просвета. Вчера он лежал у Данилы в ладони возле освещённой витрины. Тогда парень отказался его продавать и ушёл через перекрёсток вместе с обычными прохожими. Я купил цветы, проводил Марину домой и честно постарался не испортить нам вечер новым кладом.

— Передумал? — спросил я.

— Насчёт продажи — нет. Насчёт того, где это держать, — да.

Он положил коробочку на стол, но пальцы разжал не сразу.

— За мной вчера шли. От булочной до дома. Двое. Даже

не прятались. Один даже спросил, почём такая штука. А сегодня с утра под подъездом стояла незнакомая машина. Я им ничего не обещал.

— Может, им нужен твой шарф. В городе напряжёнка с качественной синтетикой.

— Хватит.

Данила даже не огрызнулся. Вот это меня насторожило сильнее синяка.

— Ты ведь не говорил им, где работаешь? — спросил я.

— Нет. Я сказал только, что больше коробку не ношу. У тебя оставлю. Ненадолго. Не дарю, не продаю. Когда успокоятся — заберу.

— Хорошее предложение. Особенно часть, где неприятности теперь мои.

— Ты уже влезал в чужие неприятности. Жив пока.

Довод был спорный, зато фактически верный. Я посмотрел на дверь, за которой гудел компрессор и Женя разговаривал с клиентом о цене работ. Здесь были люди, машины и чужие вещи. Хранить неизвестный предмет рядом с ними мне совсем не хотелось. Но отправить Данилу обратно на улицу с коробочкой тоже означало отдать её тем, кто не стеснялся ходить за ним от кафе до подъезда.

— На время оставишь, — сказал я. — Но если за этой штукой явятся с кирпичом, оплачивать стекло будешь ты.

— Ага. В рассрочку на сто лет.

— У тебя талант к финансовому планированию.

Я взял коробочку только после того, как он убрал руки. Данила заметно выдохнул. Имя прежнего хозяина он по-прежнему не называл. Может, не знал; может, боялся произнести. Я не стал выжимать из него признание, за которым пока ничего не стояло.

Светлая длинная царапина шла у верхнего края крышки. На нижнем скошенном углу темнела другая — короткая, глубокая, с рваными краями. Две разные отметины. Одну я видел вчера сразу, другую заметил только при свете витрины. Чёрный ворон между ними выглядел почти новым. Я перевернул коробочку, осмотрел обычное потёртое донышко, осторожно приподнял крышку. Внутри лежал тёмный бархат; пустой, прижатый к стенкам. Никаких тайных письмен, магической карты Кобрина или обещания бесплатного золота. Я даже разочаровался — чисто по-человечески.

Перстень на моей руке молчал. Смертный просвет тоже не подсказывал ничего особенного. И правильно: видеть нечисть я научился, а определять владельцев старого металла по царапинам — нет. Вельский носил запонку с чёрным вороном. Это сходство можно было запомнить, но превращать его в доказательство означало обвинить половину антикварных магазинов в мировом заговоре. Вороны на старых вещах встречались чаще, чем порядочные покупатели на ночном рынке.

— Ты сам открывал? — спросил я.

— Сегодня. Ничего там нет. Вчера не хотел при тебе.

— Зачем хранил пустую?

— Потому что за неё давали деньги. А когда за пустую коробку дают деньги, у неё наверняка есть история. Мне эту историю никто рассказывать не собирается.

Впервые за весь разговор он сказал что-то действительно разумное. Я убрал коробочку в ящик стола, на который обычно не клали инструменты, и повернул ключ. От серьёзного взлома замок не спас бы. Зато хоть никто из своих не сунет туда бутерброд вместо чужой загадки.

— Держи телефон включённым, — сказал я. — Если увидишь тех двоих, запомни приметы. И ни с кем больше не договаривайся от моего имени.

Данила кивнул, но уходить не спешил.

— Артём. Вчера ты мог отнять её прямо на улице. Почему не отнял?

— Потому что она у тебя была. А ещё потому, что Марина выбрала хороший фильм, и мне наконец удалось досмотреть его до конца.

Он фыркнул. Вероятно, счёл ответ издевательством. Для меня это было объяснение вполне серьёзное.

Когда Данила ушёл, я вернулся к работе. Женя показал мне старенький седан, владелец которого жаловался на стук впереди и категорически отказывался признавать существование ям на дорогах. Я проехался по короткому участку, послушал подвеску, объяснил клиенту, что чудес не бывает. Он не поверил. После знакомства с настоящей магией мне

особенно нравились люди, уверенные, будто железо обязано терпеть любую жестокость ради обещанной заводом гарантии.

Почти через час у ворот остановился серый универсал. Из него вышел аккуратный мужчина в тёмной куртке и мягких кожаных перчатках. Не старый, не молодой — тот самый возраст, когда человек уже умеет выглядеть солидно, но ещё искренне рассчитывает всех обмануть.

— Артём Горин? — уточнил он.

— Зависит от причины. Если по ремонту, да.

— У меня дело по коллекционной вещи. Говорят, вам сегодня принесли маленькую коробку с птицей.

Я поставил ключ на верстак. Слова он произнёс спокойно, однако сперва посмотрел не мне в лицо, а через плечо — туда, где находилась дверь комнаты.

— Кто говорит?

— Общий знакомый. Данила. Он готов продать, мы договорились.

— Когда?

— С утра. Минут сорок назад.

Я мысленно отметил, что Данила ушёл раньше, а обещал мне ровно противоположное. Неплохая скорость для человека, который якобы нашёл покупателя по дороге через дождливый Кобрин.

— Позвоните ему, — предложил я.

— Телефон вне сети. Я не хочу вас задерживать. Дам две-

сти тысяч рублей, наличными. Прямо сейчас. За пустую коробочку, без вопросов.

Двести тысяч за предмет, в котором даже серьёзная экспертиза пока не нашла бы ничего, кроме ворона и царапин. За такую сумму обычно просили гораздо больше, чем отсутствие вопросов.

— А вы-то зачем её покупаете?

— Семейная память. Принадлежала моей тётке.

— Тётка, выходит, увлекалась птицами?

— Она держала антикварную лавку. Вещь украли при переезде, много лет назад.

— В каком городе?

— В Кобрине, разумеется.

— Странно. Я вчера видел её у другого человека, и тот утверждал, что коробка его.

— Значит, ошибался. Молодые люди часто берут то, что плохо лежит.

В этом замечании была доля правды, но пользоваться ею как доказательством наследства я не собирался. Мужчина вынул бумажник, показал край толстого пакета купюр и убрал обратно. Не стал ни представляться, ни предъявлять ничего про тётку. Ему явно хотелось сразу перейти к финалу сделки.

— Пойдёмте хотя бы посмотрим, — попросил он. — Если вы честный человек, мне этого достаточно.

— Честному человеку обычно хватает слова «нет».

Он улыбнулся одними губами.

— Вас, Артём, предупреждали, что слишком прямые ответы могут дорого обойтись?

— Регулярно. Особенно в автосервисе.

В ответ мужчина рассмеялся, будто я удачно пошутил за общий счёт. Потом вдруг сказал:

— Коробочка с длинной царапиной над крылом, верно? Она такая одна.

— Если тётка ваша, где вторая царапина?

Улыбка исчезла. Он посмотрел на мою руку с перстнем, затем снова на дверь комнаты. Молчание затянулось ровно настолько, чтобы стало понятно: ответ ему никто не подсказал.

— Покажите предмет, — повторил он уже жёстче. — Оплата не проблема.

— У меня проблемы другого рода. Например, хозяин вещи не просил её продавать.

Он шагнул ближе. В мастерской одновременно загремела тележка с инструментами; клиент у стойки приёма принялся доказывать Жене, что масло в двигателе может работать вечно, если оно дорогое. Мужчина воспользовался шумом и проскользнул за мной к двери. Я развернулся поперёк прохода.

— Вы куда?

— Убедиться, что там моя собственность.

— Собственность у нас проверяют по документам. А без

них — на выход.

Он поднял обе ладони, отступил к столу. Только пальцы его правой руки вдруг скользнули к карману. У меня на верстаке лежал плоский жестяной футляр с дешёвым рисунком птицы, которого минутой назад там не было. Мужчина уже успел достать его, рассчитывая, вероятно, подсунуть вместо настоящей коробочки, если доберётся до ящика.

— Какой у вас богатый выбор наследства, — заметил я.

Он мгновенно перестал играть в почтенного родственника. Левой рукой толкнул меня в грудь, правой потянулся к ключам на краю стола. Я перехватил его запястье. Футляр звякнул о пол, ударился об ножку тележки и покатился под неё. Мужчина вывернулся, больно ткнул меня локтем под рёбра и схватил со стола электронный ключ от машины клиента — с ярко-оранжевым брелоком.

— Эй! — заорал Женя из-за стойки. — Это не ваш автомобиль!

— Да что ты говоришь! — выдохнул я и бросился следом.

Он успел выскочить на площадку перед сервисом. Универсал стоял у въезда носом к дороге; водительская дверь была открыта. Но вместо того чтобы сесть, наш гость метнулся вдоль ряда ожидающих машин. Я побежал наперерез. Под ногами плескалась вода, справа сдавал назад фургон доставки. Из кабины выглянул водитель и громко сообщил, что вокруг одни идиоты. Оспаривать его наблюдение было некогда.

Похититель дёрнул дверцу стоявшего седана, попробовал ключ, понял, что тот не подходит. Я сократил расстояние. Он швырнул ключ через капот другого автомобиля в сторону выезда, явно рассчитывая, что я побегу за ним, а сам нырнул между машинами. Ключ ударился о мокрый бордюр и остался на виду. В эту секунду у меня было два выбора: ловить человека или спасать чужую вещь, от которой зависело спокойствие клиента и сохранность его автомобиля. Я выбрал ключ.

Пока я поднимал его, мужчина проскочил за фургоном и оказался на тротуаре. Я успел увидеть, как он повернулся, убедился, что отстал, и коротко кивнул кому-то у ворот. Потом исчез за автобусом, остановившимся перед перекрёстком.

Кивок мне совсем не понравился.

— Женя! — крикнул я, возвращаясь. — Никого в комнату не пускай!

Сервис оставался открытым. Клиент у стойки требовал немедленно объяснить, почему какой-то посторонний человек бегает с его ключом, словно выиграл автомобиль в лотерею. Женя уже стоял посреди прохода с длинной щёткой в руке. Не оружие, конечно, но выражение лица у него было соответствующее.

— Ещё один прошёл с бокового входа, — сказал он. — Вроде к тебе. Я сказал, что нельзя. Он всё равно сунулся.

Дверь комнаты за перегородкой была приоткрыта.

Внутри послышался глухой удар, затем женский голос, очень знакомый и совершенно недовольный:

— Руку убрал. Ещё раз потянешься — останешься здесь до вечера.

Я влетел за перегородку. У раскрытого ящика стоял коренастый парень в мокрой куртке. Замок был выломан, а на полу возле его ботинка рассыпалась мелкая серая зола. Марина находилась между ним и дверью. Лицо у неё было спокойным только на первый взгляд: я прекрасно знал это выражение. Она уже приняла решение, а окружающим предстояло с ним смириться.

Парень рванулся к ней с короткой отвёрткой в руке. Марина не стала отвечать каким-то эффектным ударом через всю комнату. Она опустила ладонь, замкнув приготовленной золой короткий защитный круг у собственного места. На миг воздух перед ней потемнел, как стекло, по которому провели влажной тряпкой. Остриё остановилось, не достав до её груди. Круг дрогнул, распался. Марина резко побледнела.

Я успел ударить нападавшего плечом в бок. Он отлетел к столу, выронил отвёртку и попытался выскочить у меня под рукой. Мы столкнулись у косяка. Кулак попал мне в челюсть; я ответил коротко, по корпусу. Парень закашлялся, подался назад и вдруг пнул дверь так, что та ударила меня по плечу. В тесной комнате драться было неудобно обоим, а магию разворачивать тут было попросту негде.

Марина подняла с пола отвёртку и отбросила подальше от

его рук. Парень увидел, что до выхода осталось полшага, дёрнул меня за куртку и проскользнул боком в рабочий проход. Я рванул следом, но он уже нёсся к воротам. Женя шагнул ему наперерез со щёткой; беглец увернулся, поскользнулся на мокром бетоне и едва не упал под колёса фургона. Водитель опять сообщил своё мнение о человечестве. На этот раз подробнее.

Мы не стали гнаться под машину. Парень вскочил и убежал за дальний ряд боксов. Въезд на оживлённую улицу оставался открытым, а бросаться между колесами ради человека, которого мы уже лишили добычи, было бы идиотизмом. Я остановился у ворот, выдохнул и только тогда почувствовал, как саднит разбитая губа.

Марина вышла следом. Держалась прямо, но правая рука мелко дрожала. Я заметил у неё на запястье серую полоску золы и сжал зубы. Она снова расплатилась за защиту силой, которую могла бы потратить на что-то гораздо более приятное, например на обычный день без меня.

— Цела? — спросил я.

— Настолько, чтобы задать тебе несколько вопросов. Ты цел?

— Внешне — на любителя. Как ты здесь оказалась?

— Я шла мимо и увидела, как мужчина с твоим выражением лица бежит от другого мужчины. Потом увидела второго, который пролез в боковую дверь, пока все смотрели на улицу. Решила, что ради такого спектакля можно задержать-

ся.

— Ты собиралась ко мне?

— Да. Вернуть тебе книгу и напомнить, что мы договаривались звонить друг другу после работы, а не посылать сообщения через случайных бандитов.

Она кивнула на мою разбитую губу.

— Это уже кто успел?

— Покупатель.

— Чего?

— Пустой коробочки.

Марина медленно закрыла глаза. Когда открыла, её терпение заметно истончалось.

— Артём. Данила приходил к тебе?

— Утром. Принёс ту самую коробку. Просил подержать.

— И ты решил сказать мне, когда её купят вместе с мастерской?

— Не успел. Всё завертелось.

— У тебя «всё завертелось» — это обычно тот момент, когда я узнаю, что половина города уже записалась к тебе с оружием. Ты вчера обещал, что не будешь приносить клады на наш стол.

— Я и не принёс. Он сам пришёл на работу.

— Великолепная юридическая защита. Жаль, она не защищает от отвёртки.

Я мог возразить, что никакого клада здесь пока нет, но это прозвучало бы жалко даже для меня. Вместо этого попро-

сил её показать руку. Марина раздражённо отдёрнула пальцы, затем всё-таки позволила мне посмотреть. Кожа была цела, только слегка холодная. От нескольких мгновений защитного круга у неё дрожали мышцы. В следующий раз, если он вообще случится, я не имел права рассчитывать, что она обязательно окажется рядом.

— Ты правильно сделала, что остановила его, — сказал я. — Спасибо.

— Я остановила человека с отвёрткой. А с твоей привычкой хранить чужие опасности без предупреждения разбирайся сам. Я хочу, чтобы ты хотя бы сообщал мне, когда уже понимаешь, что дело пахнет дракой.

— Сообщу. И сейчас сообщаю: коробочка до сих пор у нас, а её хозяина зовут Данила.

— Это я поняла. А человек с тёткой?

— С тёткой, которой, скорее всего, никогда не существовало. За пустую жестянку он предлагал двести тысяч.

Марина присвистнула. Потом посмотрела в открытые ворота, где всё так же въезжали и выезжали машины. Жизнь сервиса не собиралась останавливаться ради истории, которая только начиналась.

— Значит, они знали, где её искать, — сказала она. — И работали вдвоём. Один выманивает тебя, второй идёт к ящику.

— Первый специально схватил клиентский ключ. Я повёлся.

— Ты вернул ключ. А я была здесь. В следующий раз удача не обязана работать в две смены.

Она говорила без победного выражения. Мне тоже было не до торжества. На двери комнаты осталась глубокая вмятина, мой разбитый рот начинал опухать, а Женя по ту сторону перегородки наверняка уже придумывал, в каком размере выставить мне счёт за необычный рабочий день.

Я вернулся внутрь и проверил ящик. Коробочка лежала на месте, крышка с вороном смотрела вверх. Две царапины никуда не делись. Рядом валялась дешёвая жестяная подделка с кривой птицей. Её я подхватил за край и отложил в сторону. Никакой магии. Обычная мошенническая заготовка, изготовленная человеком с отвратительным художественным вкусом.

Возле стола белело что-то ещё. Небольшой прямоугольник плотной бумаги зацепился уголком за ножку табурета. Я поднял его. Это оказался билет в концертный зал «Северный». Самый обычный билет: название программы, время начала, место в зале и печатный код. Бумага была смята, а на одном углу отпечаталась мокрая подошва нападавшего. Вероятно, выпала из кармана, когда мы возились возле двери.

— Подкинули? — спросила Марина.

— Может быть. А может, он собирался на концерт и просто невоспитанный поклонник искусства.

— В твоей мастерской недавно собирались раскрутить тебя за деньги и ударили отвёрткой. Я бы не начинала с версии

о любви к скрипке.

Я развернул билет к свету. Концерт назначался на послезавтра вечером. На сайте зала я нашёл объявление об открытой репетиции завтра. Название программы выглядело прилично, ни одного намёка на тайники, мертвецов или ночные торги. Ворон на коробочке тоже не ожил и не указал крылом на нужную дверь. Сведения были скромнее: двое охотились за одной вещью, а один из них потерял билет в конкретный зал.

— Хочу туда съездить, — сказал я. — Сначала посмотреть, что за место. Узнать, кому этот билет мог понадобиться.

Марина протянула руку. Я отдал ей бумагу. Она быстро прочла напечатанное, сверила время и вернула.

— Я поеду с тобой. Но не потому, что ты попросил. У меня свои вопросы к человеку, который ударил в мою защиту отвёрткой. И вечером мы всё-таки поговорим спокойно, без толпы посторонних.

— Я хотел позвать тебя на ужин.

— Тогда начни с того, что предупреди Женю и обработай губу.

Женя ждал у двери с лицом человека, который уже пересчитал количество новых неприятностей на квадратный метр сервиса. Клиент получил свой ключ, проверил машину и потребовал объяснений. Я извинился перед ним без попытки переложить вину на чёрную птицу. Женя сказал, что

за повреждённую дверь поговорим после смены. В этой угрозе не было магии, и потому она звучала особенно убедительно.

Я позвонил Даниле. Он ответил не сразу.

— Коробка у меня, — сказал я. — За ней уже приходили. Двое. Ты кому-нибудь рассказал про мастерскую?

— Нет, — выдохнул он. — Клянусь. Они сами всё знают. Я же говорил, что за мной ходили.

— С этого момента ни с кем не встречайся из-за коробочки. Если тебе снова позвонят, сохрани номер. Встречаться будешь только после нашего разговора.

— А ты что сделаешь?

Билет лежал рядом с металлическим вороном. Я не стал изображать уверенность: её у меня и близко не было.

— Для начала выясню, зачем им так нужна пустая коробка.

Данила молчал несколько секунд. Потом негромко попросил:

— Только не отдавай её тому старому покупателю.

— Пока это твоя вещь, отдавать кому-то без твоего согласия не собираюсь.

Когда звонок закончился, Марина стояла у двери и слушала, как за воротами дождь барабанит по крыше подъехавшего автомобиля. Я убрал билет отдельно, коробочку запер и вернулся к Жене — работать. Дел у нас всё ещё было полно, а новая неприятность никуда не денется до конца смены.

До концерта оставалось несколько часов. За это время я хотел выяснить две вещи: кто платит безумные деньги за пустую коробку и зачем налётчику билет. В моём опыте такие вопросы редко давали приятные ответы.

И очень часто — приводили к кладам.

Глава 2. Слишком дорогой билет

Вместо приветствия Женя сунул мне счёт за разбитую дверь.

— Четыре тысячи восемьсот, — сообщил он, положив листок на верстак. — И это я ещё за моральный ущерб не взял.

— У тебя есть мораль?

— Была. До вчерашнего дня.

Губа ещё болела, когда я говорил. Вчера вечером Марина настояла, чтобы мы всё-таки поужинали. За столом она не спрашивала, сколько стоит коробочка с вороном. Зато спросила, почему о людях с отвёртками узнаёт позже Жени. Оправдываться было бессмысленно. Я пообещал предупреждать её раньше, чем начнут ломать мебель, и впервые за долгую историю нашего знакомства действительно хотел это обещание выполнить.

— Сегодня после обеда отпущу тебя на эту музыку, — сказал Женя. — Дверь из своей доли оплатишь. А если опять приведёшь покупателей с инструментом, я запишу тебя в отдел снабжения. Там такие таланты нужны.

— Не волнуйся. Билет на концерт у меня один.

— Значит, остальные придут без билетов.

Он был неприятно близок к истине. Коробочка осталась в запертом ящике за перегородкой. Данила утром прислал короткое сообщение: дома, за ним никто не ходит. Я не счи-

тал это гарантией, но хотя бы не пришлось выбирать между чужой вещью и чужой жизнью ещё до завтрака. На телефон пришла фотография с нашей камеры над стойкой приёма: мужчина в кожаных перчатках, тот самый, что вчера рассказывал про тётку. Женя сумел остановить запись на кадре, где лицо было видно достаточно хорошо. Вторая фотография показывала серый универсал, правда номер забрызгала грязь. Я попросил Женю сохранить запись, не выкладывать её в общий чат мастеров и не принимать никаких предложений от незнакомцев насчёт коробочки. Он посмотрел на меня так, словно я предложил ему перестать дышать.

— Вчера ты сказал, что это чужая мелочь на хранении, — заметил он. — Сегодня у этой мелочи уже свой штат грабителей. Ты хотя бы уверен, что она пустая?

— Открывал. Пустая.

— Тогда боюсь представить, что будет, когда ты найдёшь что-нибудь ценное.

Я и сам боялся. Только мастеру по ремонту дверей об этом знать необязательно.

Я переслал Марине только первую фотографию и написал, что после смены еду в «Северный». Она ответила: «Помню. Ты заедешь за мной. И не покупай никому рояль». Я уточнил, что не собирался. В ответ получил изображение смеющейся ведьмы. Взять его за признак хорошего настроения было бы опрометчиво.

До открытой репетиции оставалось несколько часов. Я

успел закончить работу с машиной и переодеться. Женя напоследок напомнил про дверь, словно опасался, что моя память умеет работать лишь в присутствии золотых монет.

Марина ждала возле своего дома под светлым зонтом. Выглядела бодрее, чем вчера после защитного круга, но, когда садилась в машину, на секунду придержала правое запястье. Я заметил. Она заметила, что заметил я.

— Не начинай, — сказала Марина. — Сегодня я собираюсь слушать музыку, а не выслушивать твоё раскаяние.

— Предупреждаю заранее: в зале могут оказаться вчерашние придурки.

— Вот. Учишься.

— Может, за это полагается поощрение?

— В твоём случае — отсутствие подзатыльника.

«Северный» стоял в оживлённой части Кобрина, между торговой галереей и сквером. Под стеклянным козырьком толпились зрители с мокрыми зонтиками. У входа продавали кофе, афиши обещали вечер камерной музыки, а на широких ступенях спорили два подростка: один уверял, что скрипка — это маленькая гитара, второй требовал не позорить его перед девушкой. Обычная культурная жизнь. Мне она нравилась уже тем, что люди пока никого не пытались убить.

На двери висело объявление об открытой репетиции. Поэтому мятый билет на завтрашний концерт нам не понадобился. Я показал его женщине у входа лишь затем, чтобы вы-

яснить, насколько похож на настоящую вещь. Та посмотрела на название программы и время, кивнула: билет обычный, место существует, а по владельцу она ничего сказать не может. Штрихкод на бумаге не выдавал ни имени, ни семейных тайн.

— Хорошо, — сказала Марина, отходя от стойки. — Хоть бумага здесь не колдует.

— Подожди, мы ещё гардероб не проверили.

В зале стоял мягкий полумрак. На сцене музыканты устраивались с инструментами, кто-то перелистывал ноты, виолончелистка возмущённо требовала вернуть ей стул, который занял более расторопный коллега. В центре под светом софитов чернел старый рояль. Его полированная крышка отражала лампы так, что казалась неподвижной глубокой водой.

Мы сели сбоку, откуда были видны сцена и боковая дверь. Я искал знакомые лица. Вчерашний покупатель мог быть где угодно — среди зрителей, музыкантов или работников зала. На первом ряду сидел мужчина с дорогим портфелем, но похожего лица у него не было. Служащий с планшетом проверял порядок выступлений; за его спиной два рабочих коротко спорили, куда переставить подставку для цветов.

И тогда я увидел скрипача.

Он стоял в стороне от остальных, возле старого латунного пюпитра, потемневшего от времени. Мундир на нём выглядел скорее праздничным костюмом из другого десятилетия,

чем одеждой нынешнего музыканта. Лицо было бледным до синевы, глаза казались глубоко вдавленными. Он держал смычок, хотя струны под пальцами не дрожали. Смертный просвет отозвался тихим неприятным ощущением за глазами: человек возле пюпитра здесь не жил.

Никто не обходил его стороной. Молодой скрипач прошёл через край его плеча, потянулся за нотами и даже не вздрогнул. Призрак следил не за людьми в креслах, а за самой сценой. Когда виолончелистка поставила футляр слишком близко к латунной стойке, бледный музыкант резко повернул голову. Футляр убрали по просьбе концертмейстера, и незнакомец снова замер.

Я осторожно коснулся локтя Марины.

— Видишь музыканта у старого пюпитра? Слева от рояля.

Она посмотрела. Не ахнула и не начала размахивать руками, за что я был ей благодарен.

— Вижу пюпитр, — ответила она тихо. — Человека — нет. Но место мне не нравится. Пока не трогай.

— И не собирался. У него выражение лица, как у Жени при словах «работа по гарантии».

Марина чуть заметно улыбнулась. Я вернулся к сцене. Призрак смотрел на пюпитр, а я — на него. У нас уже получалось небольшое культурное мероприятие.

Репетиция началась. По залу разлились первые звуки струнных. Живые музыканты играли каждый свою часть, дирижёр останавливал их и начинал снова. Мертвец не играл.

Он временами поднимал смычок, будто хотел вступить в знакомую мелодию, а потом опускал руку. Под старым пюпитром на досках сцены лежала светлая полоса, словно предмет недавно сдвигали. Ни разу призрак не ступил дальше края подиума. Я запомнил это, но не стал проверять границы его терпения.

На перерыве Марина первой встала.

— Я узнаю у работников, кому принадлежит сцена и кто разрешает туда выходить, — сказала она. — Ты посмотри, нет ли знакомых лиц. Только никаких самостоятельных поединков с оркестром.

— Даже если они сыграют очень плохо?

— Особенно тогда.

Она направилась к женщине с папкой у бокового прохода. Я пошёл следом, но задержался возле выставки фотографий прежних концертов. На одном снимке лет пятнадцать назад рояль стоял перед полным залом. На другом молодой мужчина держал скрипку возле латунного пюпитра. Фотография потускнела, имя внизу скрывала рамка. Я не успел разглядеть подпись: за спиной раздался голос.

— Вы к кому?

Женщине было около сорока. Тёмные волосы были собраны в небрежный узел, на плечах — чёрная шаль. Она держала ключи и говорила так, будто за этот день уже успела отказать в сотне глупых просьб. Взгляд её остановился на моей распухшей губе.

— Если на прослушивание, мы сегодня скрипачей без инструмента не принимаем.

— Я скорее по части тяжёлого металла. Артём Горин. Ищу одного человека.

— Елена Кравцова, — представилась она. — Заведую музыкальной частью. Кого ищете?

Я открыл на телефоне фотографию вчерашнего посетителя мастерской. Сначала Елена смотрела без интереса. Потом лицо её изменилось.

— Где вы его видели?

— Вчера у себя на работе. Хотел купить вещь, которая ему не принадлежит. Вы знакомы?

— Он приходил ко мне трижды. Сначала один, потом с человеком в костюме. Предлагал деньги за рояль. Я отказала. На прошлой неделе сказал, что завтра будет уже поздно.

— Как представился?

— По-разному. В первый раз — Алексей. Во второй уверял, что действует по поручению покупателя. Имя покупателя не назвал. У них с именами какая-то удивительная экономия.

У меня неприятно кольнуло под рёбрами. Человек с выдуманной тёткой охотился за коробочкой и одновременно за инструментом в концертном зале. Это уже связь между людьми, но всё ещё не объяснение, зачем им нищая на вид жестянка с вороном.

— Рояль ваш? — спросил я.

— Моей бабушки. Потом матери. По завещанию перешёл мне. Залу разрешено пользоваться им для концертов. Продать его вместе со сценой никто не может, даже если очень хочется поставить сюда новый.

— Почему покупатель так упёрся?

— Говорит, историческая редкость. Рояль действительно старый и хороший, но подобных инструментов в стране хватает. Я не собираюсь выяснять цену семейной памяти у человека, который приходит без документов и с угрозами.

— А оркестр? — спросил я. — Им ведь завтра играть.

— Им и играть, — сказала Елена. — Я не хочу, чтобы из-за меня сорвали выступление. Поэтому не отменяю репетицию, держу инструмент в зале и сегодня же предупрежу директора, что никакого вывоза нет. У меня есть двое сотрудников, которым я доверяю. Но я не могу поставить их круглосуточно возле каждой двери. И не хочу, чтобы кто-нибудь из них получил по голове за мой рояль.

В её голосе не было просьбы явиться с лопатой и решить всё за хозяйку. Она уже действовала сама. Просто напротив неё стояли люди, для которых чужое «нет» было приглашением предложить сумму побольше.

Она говорила жёстко, зато в последней фразе я услышал усталость. Не все способны ежедневно спорить о собственной вещи с чужими богатствами.

— Кто-нибудь пытался его осматривать без вас?

— Вчера у служебного входа два человека спрашивали

грузовую дверь. Сказали, будто договорились о вывозе инструмента. Я их выгнала. Сегодня администрация обещала никого к роялю не подпускать.

Марина вернулась от женщины с папкой, и я их познакомил. Елена посмотрела на ведьму внимательнее, чем на меня.

— Ваш знакомый тоже коллекционер?

— Он автомеханик, — ответила Марина. — Иногда это ещё хуже. Вещи начинает подозревать раньше людей.

— Я сейчас стараюсь наоборот, — сказал я.

Марина передала слова работницы: репетиция открыта для зрителей, но за сценой имеют право находиться только служащие и музыканты. Она уже объяснила, что мы не собираемся мешать выступлению. Елена выслушала, кивнула и вдруг посмотрела через моё плечо.

— А вот и человек, который считает себя начальником моего рояля.

По проходу уверенно шёл высокий мужчина в тёмно-синем пальто. Он не прятался, не суетился и не искал свободного места. За ним следовали двое крепких парней с одинаково пустыми лицами. Один нёс тонкую папку, второй держал телефон так, будто готовился записывать чужие оправдания. Мужчина остановился в двух шагах от Елены.

— Илья Мезенцев, — представился он нам, заметив незнакомые лица. — Представляю интересы Виктора Вельского.

Я удержался от желания посмотреть на Марину. Имя знакомое. Слишком знакомое, чтобы радоваться его появлению возле концертного зала.

— Я вам уже отвечала, — сказала Елена. — Инструмент остаётся здесь.

— Ответить можно по-разному. Завтрашний концерт поддерживают спонсоры, некоторые из них дружат с Виктором Сергеевичем. Будет неловко, если музыканты останутся без выступления и без обещанных денег.

— Вы угрожаете сорвать концерт?

— Я предупреждаю о трудностях. Они бывают у людей, которые не умеют вовремя соглашаться.

Мезенцев произнёс это достаточно громко. Две женщины с программками обернулись. Елена сжала ключи в кулаке. За её спиной продолжалась обычная репетиционная жизнь: на сцене настраивали инструмент, посетители снимали мокрые пальто. Отличное место для разговора о том, как удобно давить на человека при свидетелях.

— Если ваш Вельский хочет слушать музыку, — сказал я, — пусть купит билет. Здесь это принято.

Мезенцев перевёл взгляд на меня. Задержался на разбитой губе, перстне и снова посмотрел в глаза.

— А вы кто?

— Человек, которого уже дважды пытались отвлечь от работы ради чужой собственности. Сегодня у меня выходной от благотворительности.

— Горин, значит, — произнёс он без вопроса. — Виктор Сергеевич вас помнит.

— Передайте, чтобы не напрягался. У него и так дел полно.

Один из сопровождающих сделал шаг вперёд. Марина чуть сместилась, оставляя между ним и Еленой пустой проход. Никакого заклинания не было, но парень почему-то остановился. Видимо, вспомнил, что у свидетелей тоже бывают глаза.

— Завтра к вечеру инструмент должен быть готов к передаче, — сказал Мезенцев Елене. — Иначе концерт не состоится. После него будет поздно разговаривать о цене.

— После него я буду разговаривать с теми, кого сама приглашу, — ответила она. — Вы к ним не относитесь.

Он бросил ей визитку, которую она не взяла. Карточка упала на пол. Мезенцев даже не посмотрел вниз. Развернулся и пошёл к служебной двери; двое двинулись следом.

— Неприятный тип, — сказала Марина.

— За внезапность такого рода обычно берут отдельно, — заметил я.

Елена нагнулась за визиткой только для того, чтобы выбросить её в ближайшую корзину. Я остановил её.

— Можно снимок?

— Делайте. Только прошу: не устраивайте здесь драку. У нас завтра концерт.

— У меня сегодня уже оплачена одна дверь. Очень доро-

гое хобби.

Пока я фотографировал карточку, со стороны лестницы донеслось знакомое покашливание.

— Горин, у тебя талант находить должников там, где люди находят искусство.

Григорий Важин стоял возле колонны с чашкой кофе. Пиджак на нём сидел безукоризненно, но правую ногу он ставил чуть осторожнее левой. Старую травму после прежних передряг никто не отменял. Судя по холодному выражению лица, концертная программа интересовала его даже меньше, чем меня.

— Ты здесь ради Моцарта? — спросил я.

— Ради шестидесяти тысяч рублей. Если Моцарт их мне должен, готов обсудить.

Он кивнул на дверь, в которую ушёл Мезенцев.

— Два месяца назад его контора наняла моё агентство вернуть долг одного поставщика. Мы работу сделали. Вознаграждение не перечислили. С тех пор он меня кормит словами о задержке платежа. Вчера выяснил, что сегодня он будет здесь. Приехал поговорить.

— И не позвал меня?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я нанимал свидетеля, который сначала бьёт должника, а потом спрашивает фамилию?

— Несправедливо. Иногда я и фамилию знаю.

Важин взглянул на мою губу, потом на Марину. Шутить

перестал.

— Снова из-за коробочки?

— Из-за человека, который охотился за ней вчера, а сегодня хочет чужой рояль.

— Связь доказана?

— Фото показал Елене. Она узнала его. Мезенцев назвался представителем Вельского. Остальное пока предположения.

Важин удовлетворённо кивнул. Лишние легенды ему были не нужны, особенно когда требовалось получить реальные деньги.

— Я не собираюсь работать на твою догадку, — сказал он. — Мне нужен Мезенцев и мой счёт. Если он устроит здесь потасовку, всё равно поговорю с ним первым.

— Учти, парней у него двое.

— Я умею считать до двух даже без твоей помощи.

— А бегать?

Важин чуть прищурился.

— В отличие от некоторых, я умею выбирать, за кем стоит бежать. Береги губу.

— И да, — добавил Важин уже на ходу, — если увидишь моего должника раньше меня, не принимай за него деньги. Я сам решу, когда и как с ним разговаривать.

— Даже если предложит за тебя двести тысяч?

— Тогда особенно. У таких людей сдачу обычно выдают неприятностями.

Он пошёл следом за Мезенцевым, не ускоряя шага. Самостоятельный человек с самостоятельным долгом. Мне оставалось надеяться, что его счёт окажется настойчивее чужих кулаков.

Елена тем временем взглянула на часы и направилась к сцене. Один из работников позвал её: перед финальным прогоном нужно было чуть сместить рояль, чтобы освободить место для музыкантов. Марина хотела остаться у входа, проверить, что делают люди Мезенцева. Я согласился: никто пока не нападал, а смотреть за двумя проходами полезнее, чем стоять всем троим над роялем.

На сцену меня пустила сама Елена, когда услышала, что я работаю с механизмами. Чинить инструмент она не просила — хотела понять, мог ли странный стук быть обычной поломкой. Рояль слегка сдвинули, и я услышал глухое «тук» снизу, со стороны задней ножки. Звук был короткий, тяжёлый, отдельный от обычного скрипа дерева и колёсиков. Рядом стояла сотрудница зала; она тоже повернула голову.

— Слышали? — спросила Елена.

— Да. Это не струна. Но что там стучит, на слух не скажу. И ломать семейный инструмент ради догадки не собираюсь.

Работник чуть изменил положение рояля. Глухой удар повторился. Старая древесина могла скрывать сколько угодно скучных объяснений — от трещины до застрявшей детали. Моему внутреннему копателю очень хотелось добавить к списку золотой слиток. Я приказал ему заткнуться и не тор-

говаться с законами механики.

И вдруг латунный пюпитр за моей спиной отозвался звоном.

Никто его не касался. Это я видел отчётливо. Металл задрожал сам собой, и по сцене ударил резкий, высокий звук, как будто сразу несколько больших струн лопнули у самого уха. Сотрудница вскрикнула, схватилась за голову. Музыканты попятились. У меня болью прострелило зубы; на миг исчезли голоса людей, осталась одна тонкая дрожь. В ушах зашипело, колени подломились, и я успел ухватиться за край закрытой крышки рояля.

Среди ошарашенных оркестрантов стоял бледный скрипач. Его смычок был поднят, но не касался ни единой струны. Он смотрел на латунный пюпитр так, словно видел перед собой старого друга, которому только что причинили боль. Звон оборвался. Призрак не сделал шага со сцены.

Марина уже бежала к нам от бокового прохода. Она остановилась у края подиума, быстро посмотрела на людей, на металл и на меня. В глазах не было растерянности: она выбирала, кого сначала выводить.

— Все со сцены! — громко сказала она живым музыкантам. — К боковому проходу. Не задерживайтесь.

Елена помогла сотруднице спуститься с подиума. Та шаталась, плакала от боли в ушах, но могла идти. Я отступил следом, стараясь держаться между ней и латунной стойкой. Двое оркестрантов зацепились друг за друга футлярами;

один обругал второго, второй от неожиданности извинился. Даже паника в музыкальном коллективе имела собственный этикет.

В проходе звук уже не давил на голову. Я обернулся: пюпитр больше не дрожал. Призрак остался рядом, бледный, словно теперь наблюдал не за людьми, а за тем, решатся ли они вернуться.

— Это и раньше случалось? — спросил я Елену.

Она выдохнула и кивнула. Лицо у неё побелело не хуже, чем у мертвеца.

— После смерти Родиона Белова. Он играл здесь на скрипке много лет. На этом пюпитре держал ноты. Когда его не стало, начали звенеть стойки. Иногда тихо. Сегодня… такого ещё не было.

— Что ему не понравилось?

— Не знаю. Но те люди вчера тоже спрашивали, когда сцену освободят. Сегодня пытались пройти служебным ходом. Я не дам им забрать рояль.

Она сказала это упрямо, но руки у неё дрожали. Из-за боковой двери донеслись мужские голоса и короткий скрип обуви по полу. Марина посмотрела туда, затем на меня.

— Мезенцев всё ещё здесь, — сказала она. — Его люди не ушли.

Я услышал, как кто-то за дверью произнёс: «После перерыва. Пока зал пустеет». Слова были обычные, без всякой мистики. От этого мне стало холоднее, чем от вида призрака.

Мы ещё толком не успели понять, что происходит на сцене, а чужие люди уже рассчитывали, когда можно будет забрать рояль.

— Значит, завтра концерт у них в расписании только для отвода глаз, — сказал я.

Елена взглянула на чёрный инструмент, стоявший под сценическим светом. Потом на меня.

Елена быстро нашла взглядом служащую с папкой и попросила её закрыть боковой проход для посторонних. Та кивнула, но у дверей уже поднимались первые посетители: кому-то стало плохо от звона, кто-то хотел узнать, будет ли репетиция продолжаться. Посетители ждали музыки и ответов. Людям Мезенцева, похоже, было всё равно, сколько человек окажется между ними и роялем.

— Эти люди готовы сорвать концерт из-за старого инструмента, — сказала Елена. — Вы услышали странный стук. Если внутри действительно что-то спрятали, сумеете найти?

— Попробую, — ответил я. — Только сначала надо сделать так, чтобы люди пережили репетицию.

У пюпитра призрачный скрипач поднял смычок. Музыка ещё не началась, но он, похоже, слышал её первым.

Глава 3. Концерт для лишних

Призрак поднял смычок. Я перевёл взгляд на боковую дверь: Родион хотя бы держался своего места, а люди Мезенцева могли появиться где угодно. И уж они-то обещаний «не трогай — не трону» не давали.

За боковой дверью заскрипели подошвы. Один голос требовал открыть грузовой проход, другой отвечал, что у него нет такого распоряжения. Рядом стояла Елена Кравцова, прижимая ладонь к виску. После металлического звона она говорила тихо, но смотрела на дверь так, будто собиралась собственными руками выставить троих здоровых мужиков за порог.

— Кто у вас отвечает за сцену? — спросил я.

— Старший техник, Пётр Андреевич. Он сейчас у служебного входа.

— Зовите его сюда. И скажите, что рояль без вашего слова не трогать.

— Я уже говорила.

— Тогда пусть услышит ещё раз. Иногда людям с крепким затылком требуется повторение.

Марина вышла из бокового прохода, где помогала двум музыкантам. Один держался за ухо, другая сжимала футляр, словно тот мог защитить от следующего удара.

— На сцене пока никто не должен оставаться, — сказала

она. — Артём, ты слышал, как тот звук действовал?

— Слышал. И до сих пор слышу, хотя он закончился.

— Это не музыка. Здесь есть источник. Только не лезь к нему.

Её взгляд скользнул к латунному пюпитру. Бледный скрипач стоял рядом с ним, недвижный, будто нас не замечал. Я видел его отчётливо — спасибо своему смертному просвету. Люди в зале видели лишь пустое место между стойкой и роялем.

Дверь распахнулась. Из служебного коридора вышел мужчина в синей рабочей куртке. За ним двигались двое крепких парней, которых я запомнил рядом с Мезенцевым. Третий шёл впереди, держа планшет и изображая человека, которому всё дозволено бумагой. Бумага, как известно, прекрасно заменяет совесть, пока её не попросят показать.

— Перевозка согласована, — громко объявил он. — Инструмент уходит на обслуживание.

Елена шагнула перед ним.

— Кем согласована? Завтра концерт. Я собственница рояля.

— Вопросы решайте с Ильёй Сергеевичем.

— Я уже решила. Нет.

Парень с планшетом попытался пройти мимо. Я встал у него на пути.

— Вам русским языком сказали. Или нужна партитура с крупными нотами?

Он окинул взглядом мою разбитую губу.

— Тебя вчера плохо учили?

— Учили отлично. Запомнил даже лица.

Двое за его спиной переглянулись. У обоих на руках были рабочие перчатки, слишком чистые для людей, которые целый день таскают концертное имущество. Один носил под курткой короткую металлическую дубинку. Она мелькнула, когда он поправлял пояс.

— На выход, — тихо сказала Марина.

Я подумал, что она обращается к незваным грузчикам. Ошибся. Елена уже уводила с подиума скрипачей. К концу прохода выстроилась маленькая сердитая процессия. Женщина с виолончелью сообщила, что с неё довольно современной музыки, особенно если автор умер и продолжает руководить репетицией.

Налётчики тем временем двинулись к роялю. Парень с планшетом указал на широкую служебную дверь в глубине сцены. Один из крепких ухватился за край передвижной платформы под инструментом, другой подошёл со стороны латунного пюпитра. Не успел он протянуть руку мимо стойки, как мертвец резко повернул голову.

Я увидел, как побелели его пальцы на смычке.

— Назад! — крикнул я.

Второй громила успел только оглянуться. Пюпитр задрожал. Высокий металлический визг ударил по сцене, будто кто-то с размаху провёл железом по огромной натянутой

струне. Громила согнулся и прижал ладони к ушам. Его товарищ налетел на рояль, выругался и едва не уронил подставку для нот. Пётр Андреевич, только показавшийся в проёме, ухватился за дверной косяк.

За краем подиума звук оставался слышен, но переставал давить на череп. Это я успел отметить, пока сам пятился со сцены. Не от храбрости — просто у меня внутри всё ещё звенело после первого раза.

Елена бросилась к технику. Пришлось схватить её за локоть и вернуть за ступеньки.

— На сцену нельзя!

— Там мой рояль!

— Пока он никуда не едет. А вот ваша голова может отправиться отдельно.

Призрак снова застыл у своей стойки. На меня он даже не взглянул. Судя по всему, ему было совершенно безразлично, кому принадлежит инструмент, кто платил за репетицию и сколько стоит лечение человеческих ушей. В его мире кто-то потревожил сцену, и за это следовало наказание. Нежить с характером профсоюзного инспектора — мечта любого организатора концертов.

Из коридора послышался голос Мезенцева:

— Что там у вас?

— Помехи, — ответил парень с планшетом. — Посторонние.

— Убрать.

Очень хотелось уточнить, кого он считает посторонними в чужом зале. Но Мезенцев уже скрылся за дверью, оставив подчинённых справляться с последствиями собственного приказа.

Один из парней выбрался со сцены, шатаясь. Звук явно ударил по нему сильнее, чем по людям в зале. Он показал товарищу два пальца и что-то сказал. Тот не расслышал. Они перешли на жесты. Я бы посмеялся, если бы рядом не сидела молодая скрипачка с лицом цвета бумаги.

— Марина, помоги ей, — попросил я.

— Уже. Не подходи к пюпитру.

Она не стала никого убеждать, что сумеет победить умершего музыканта красивым движением руки. Просто увела девушку к открытому проходу, куда дошёл нормальный шум живых людей.

А я с Еленой остался перед роялем и двумя упрямыми покупателями, у которых, похоже, отказ в продаже считался недостатком слуха.

— У меня есть люди, — быстро сказала Елена. — Сейчас приведу администратора.

— Не надо приводить сюда весь город. Достаточно прекратить вывоз.

Я заметил, что грузовой выход вёл через боковую часть сцены к широкой двери. Рядом стояли передвижные ширмы, которые работники использовали во время смены декораций. Елена увидела, куда я смотрю, и без всяких объясне-

ний подозвала Петра Андреевича. Тот уже пришёл в себя и выглядел оскорблённым до глубины души.

— Этих к инструменту не подпускать, — сказала она. — Закройте доступ для вывоза.

— С удовольствием, — ответил техник. — Только вы же понимаете, что у нас люди там ходят?

— Понимаю, — сказала Елена. — Не перекрывайте проход для музыкантов.

Я услышал последнее предложение, но слишком поздно. Один из незваных грузчиков снова бросился к платформе. Пришлось оттолкнуть его плечом. Парень ухватил меня за куртку, я ответил коротким ударом в корпус и шагнул в сторону. Его напарник попятился, задел ширму, и та поехала поперёк прохода. Техник с руганью подхватил край, Елена попыталась помочь.

Из-за кулис донёсся возмущённый крик:

— Вы совсем с ума сошли? Здесь выход!

Ширма остановилась в дверном проёме, как назло именно тогда, когда трое оркестрантов пытались уйти со сцены. Виолончелистку я узнал по недавнему скандалу из-за стула. Она прижала инструмент к груди и смотрела на нас с такой ненавистью, что призрак рядом казался человеком воспитанным.

— Это кто у вас придумал? — спросила она.

— Человек без музыкального образования, — признался я.

За спиной громила вновь рванулся к роялю. Елена сама

встала у его дороги, не пропуская. Ни ругани, ни просьб. Просто хозяйка перед своей вещью.

Мне пришлось отступить и освободить проход. Вместе с Петром Андреевичем мы быстро отодвинули ширму. Из-за неё вышли музыканты — сначала виолончелистка, потом двое молодых скрипачей, каждый с видом оскорблённого министра. Один споткнулся о футляр, выругался и тут же извинился перед пожилой женщиной в зале. Зрители оживлённо зашептались.

— Выход свободен, — сказал техник, тяжело дыша. — А вы мне потом объясните, кто оплатит раздавленную раму.

— Запишите на счёт тех, кто хотел увезти рояль, — предложил я.

— Они не подписывают счета.

— Зато оставляют следы от ботинок. Почти автограф.

Я хотел удержать обстановку от очередного фокуса. Не получилось. Крепкий парень с дубинкой решил, что его товарищ слишком долго возится с одним автомехаником. Он выскочил из бокового прохода в узкий ряд перед сценой, расталкивая зрителей.

Кто-то завизжал. Кто-то выхватил телефон. А у микрофона, возле первого ряда, по-прежнему стоял ведущий открытой репетиции — высокий мужчина в блестящем пиджаке. До этого он объяснял публике, зачем оркестру настройка и почему дирижёр постоянно начинает сначала. Видимо, считал, что его задача — объяснить вообще всё.

— Друзья! — радостно объявил он. — А сейчас небольшой сюрприз от наших артистов!

Налётчик застыл. В руке у него блестела раздвинутая дубинка.

Ведущий расплылся в улыбке.

— Современная пластика! Обратите внимание на оригинальное использование дирижёрской палочки!

Первый ряд захлопал. За ним второй. Мужик с дубинкой оглянулся на нас, потом на зрителей, которые требовали продолжения номера. Угрюмый тип в чёрной куртке оказался не готов к внезапной славе.

— Уберите микрофон! — рявкнул он.

— Великолепная импровизация! — отозвался ведущий, принимая слова за реплику.

Парень сунул дубинку под куртку и метнулся к служебному коридору. На бегу столкнулся с подставкой для афиш. Реклама завалилась, обнажив огромную надпись «Вечер прекрасных звуков». Зал взорвался смехом и аплодисментами. Ведущий поклонился так низко, словно лично поставил эту сцену.

— Не уверен, что им за это платят, — сказал я.

— Очень надеюсь, что нет, — ответила Елена.

Улыбка у неё получилась напряжённая. Она уже видела на телефонах зрителей, как люди снимают человека с оружием и хлопают его бегству. Один мальчишка спросил у матери, почему артист не поклонился. Мать ответила, что актёры

бывают стеснительные.

Ведущий наконец заметил Елену и её лицо.

— Мы не планировали этот номер? — шёпотом спросил он, прикрыв микрофон ладонью.

— Нет, — сказала она. — И следующего не планируем. Попросите людей спокойно выйти в фойе.

— Но у нас репетиция…

— Теперь у нас перерыв. Без сюрпризов.

Он кивнул и уже совсем другим голосом объявил десятиминутную паузу. Я заметил, как двое работников направились к дверям, чтобы не допустить толкотни. Публика двинулась к выходу, продолжая обсуждать «артиста». Несколько человек остались — любители досмотреть любой скандал до конца, даже если билет бесплатный.

За кулисой раздался сдавленный стон. Один из тех, кого ударило звоном, снова попытался подняться на сцену, держась за ухо. Он остановился у края подиума и зло уставился на пюпитр. Видимо, до него начало доходить, что проблема здесь не в музыкантах.

Марина вернулась с двумя работниками зала. У одного была аптечка, другой держал телефон и вызывал помощь оглушённой сотруднице. Ведьма осмотрела сцену, людей, пути отхода. Она делала это молча. Мне такой её взгляд нравился куда меньше привычного язвительного.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Проверить, на что реагирует этот звук. Но без героиз-

ма. Ты останешься внизу.

— С удовольствием. У меня уже есть премия за лучший удар головой об рояль.

— Артём.

— Хорошо. Внизу.

Она достала из сумки пакетик подготовленной золы и одним движением высыпала немного на ладонь. Кисть заметно дрожала после вчерашней защиты. Я удержался от просьбы поставить круг немедленно: Марина сама видела, когда он нужен.

Родион стоял у пюпитра, как прежде. Из пустого зала донёсся короткий скрип старой мебели. Он поднял смычок, когда работник у сцены непроизвольно задел подставку своим футляром.

— Не трогайте стойку! — сразу сказала Марина.

Слишком поздно. Металл вздрогнул. Ведьма бросила короткую дугу холодной золы между подиумом и людьми, всё ещё стоявшими на его краю. Серый заслон повис на несколько вдохов, скрыв руки работника и нижнюю часть стойки.

Звон прошёл сквозь него без всяких препятствий.

Парень схватился за виски. Я слышал режущий звук даже снизу, но здесь он уже не сдавливал голову, как на подиуме. Там пригнулся Пётр Андреевич, успевший вернуться за оставленными бумагами. Зольная полоса рассыпалась на пол раньше, чем смолк звук. Марина пошатнулась и ухватилась ладонью за спинку кресла.

Я рванулся к ней, но она выпрямилась сама.

— Не надо, — сказала. — Это металл. Настоящий звук, усиленный им. Зола закрывает глаза и сбивает направленное движение. У звука глаз нет.

Слова были простые. Суть мне понравилась меньше. Мы могли насыпать хоть целый мешок пепла — Родиону от этого было бы ни жарко ни холодно, а музыканты получили бы ещё и уборку в подарок.

— Значит, ты не можешь его остановить? — спросила Елена.

— Сейчас не могу. Могу вывести людей, пока они целы. Этим и займусь.

Марина повернулась к сотрудникам.

— Со сцены убрать всех, даже тех, кому очень хочется забрать ноты. В фойе оставить путь свободным. Тому парню нужен врач — он после двух ударов почти не слышит. И не возвращайтесь за вещами, пока не решим, как остановить звон.

Она говорила спокойно, а пальцы правой руки мелко дрожали. Я видел цену попытки. Второй такой заслон она, возможно, сделала бы, но зачем? Марина уже приняла решение, а я собирался его выполнить.

— Я проверю боковой коридор, — сказал я.

— Проверишь из-за двери, — поправила она. — Если там опять люди с железом, позовёшь меня.

— У меня от такой любви к осторожности скоро заведётся

репутация.

— Хорошая репутация. Живого человека.

Я кивнул. Важная мысль, которую обычно приходилось объяснять мне гораздо более дорогим способом.

Елена задержалась возле рояля, хотя до него теперь оставалось несколько метров опасной сцены. Я видел, как она борется с желанием остаться. Собственный инструмент для неё был памятью об отце. Для чужих людей — удобной оболочкой неизвестного богатства. Кто прав, я даже обсуждать не собирался. Но между правотой и безопасностью пока зияла широкая яма.

Из служебного коридора донеслись шаги. Не пара людей, а целая компания. Впереди выскочил тот самый парень с дубинкой. Публика в фойе ещё аплодировала его дебюту, но сам он смеяться не собирался.

— Отойди от двери, — приказал он.

— Уже второй раз за день мне советуют отойти. Знаете, что особенно раздражает? Никто не говорит, куда именно.

Парень ударил первым. Дубинка свистнула у меня перед лицом. Я успел сместиться, и металл пришёлся по деревянной стойке у прохода. Осколок щепы царапнул щёку. Я ударил его плечом, прижал к стене. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и сразу вцепился свободной рукой в мою куртку.

Сзади появился второй. В руках у него был короткий металлический прут — похоже, снятый с передвижной подставки. Он не замахивался красиво, как в кино. Просто це-

лился в мою голову. Я нырнул, прут скользнул по стене, а его хозяин потерял равновесие.

— Артём, в сторону! — донёсся голос Марины.

Я отступил, освобождая проход к фойе. Но первый успел ударить снова. Дубинка попала по кисти, которой я закрывал лицо. Боль вспыхнула до самого локтя. Пальцы разжались сами, будто кто-то одним движением выбил из руки все кости.

На миг я почти поверил, что перстень поможет. «Чёрный отклик» привычно холодил кожу. Но это был обычный металлический удар, а не направленное заклятие. Мой артефакт не умел превращать глупые надежды в броню. Пришлось спасаться старым человеческим способом: уклониться, схватить чужой рукав и приложить хозяина о стену.

У меня вышло неровно. Кисть саднила, удар получился короткий. Парень развернулся и смачно выругался. Зато дубинка вылетела из его руки и заскользила под ряд кресел.

Второй налётчик уже подбирался к сцене. Я увидел, что он целится не в людей, а в рояль. Важнее драки ему было получить инструмент. Он шагнул на подиум, осторожно держась подальше от латунной стойки, будто успел извлечь урок из предыдущего выступления.

Родион поднял смычок.

— Не туда! — крикнул я.

Налётчик не послушал, зато услышала Елена. Она прыгнула со ступеньки вниз, чтобы не оказаться на сцене. Я под-

хватил её здоровой рукой. В этот миг ударил звон — очередной за день, самый короткий, но такой резкий, что человек с прутом рухнул на колени и прижал голову к полу. Волосы у меня на затылке встали дыбом. Елена дрожала, но удержалась на ногах.

Нежить не выбирала, кого наказывать. Это было теперь ясно даже человеку, который вчера покупал пустую коробочку за двести тысяч рублей.

Марина потянула Елену к свободному проходу. Сама она к источнику звона не приближалась. Помогала живому человеку, хотя могла броситься доказывать мертвецу, что ведьма сильнее. За это я и любил её больше, чем было безопасно для собственного характера.

Двое нападавших поняли, что сегодняшний заработок не стоит такого концерта. Первый с матерщиной подобрал с пола куртку, второй попятился со сцены и побежал к служебной двери. Третий, тот, что махал планшетом, выскочил из коридора, увидел коллег и мгновенно развернулся обратно. Человек бумаги всегда лучше других понимает, когда документ пора потерять.

— Мезенцев! — крикнул я им вслед. — Передайте начальнику: рояль сегодня не вывозят!

Ответом стал грохот закрытой двери. За ней завёлся двигатель. Упорствовать в погоне с разбитой кистью и оглушённой хозяйкой инструмента было бы подвигом сомнительной стоимости. Я остался.

Пётр Андреевич поднял чужой планшет, обронённый при бегстве, и с удивлением обнаружил, что под зажимом лежит пустой бланк. Ни печати, ни подписей, ни даже названия перевозчика. «Согласование» оказалось сложной конструкцией из наглого лица и пары крепких рук.

— Это мои лучшие выходные за последние двадцать лет, — сообщил он. — А ведь они ещё не начались.

— Считайте генеральной репетицией, — сказал я.

Он посмотрел на меня, на разбитую стойку и на мою руку.

— У нас завтра концерт. Если что-нибудь звякнет, я лично запру вас всех в гардеробе.

— Вместе с призраком?

— Его первым.

Марина молча приложила к моей кисти холодный пакет из аптечки. Боль сразу стала вполне конкретной. Пальцы слушались, но сгибать их без ругани не получалось. Я попробовал пошевелить большим. Получилось. Значит, пока не катастрофа. На всякий случай я перестал изображать уверенного хирурга и пообещал показать руку врачу.

Елена дождалась, пока последнего оглушённого работника уведут в фойе. Потом подошла и спросила без обычной светской осторожности:

— Вы сможете найти то, что стучит в рояле?

— Да. Если оно там есть. Но копаться в инструменте, пока рядом звенит покойный скрипач, я не стану. И вас не пущу.

— Я не прошу бесплатно. Оплачу работу и ущерб, кото-

рый вы получили из-за моего рояля.

— За руку заплатит тот, кто её ударил. А с вашим инструментом будем разбираться отдельно. Только прошу: без тайных хозяев и внезапных покупателей.

Она чуть помедлила.

— Мой отец когда-то говорил, что в семье есть вещь, которую нельзя отдавать посторонним. Я думала, он имеет в виду сам рояль. Теперь не уверена.

Под сценическим светом чернел рояль — красивый, тяжёлый, равнодушный ко всему, что вокруг него творилось. До сегодняшнего дня я считал концертный зал самым неподходящим местом для копательских приключений. Теперь оставалось признать, что тайники умеют выбирать себе приличные адреса.

— Сначала придумаем, как подойти к нему без риска, — сказал я. — Потом посмотрим. И ничего ломать без вас не будем.

— Согласна.

Мы пожали руки — вернее, я протянул здоровую, а больную спрятал за спиной, как школьник с разбитой вазой. Елена впервые за день немного улыбнулась.

На сцене Родион Белов опустил смычок. Подле него блестел латунный пюпитр. Один из работников, собирая брошенные футляры у нижней ступеньки, случайно накрыл куском тяжёлой бархатной ткани упавший металлический поднос. Тот перестал дребезжать, хотя под ногами ещё ходили

толчки от суеты.

Марина тоже это заметила. Мы переглянулись. Не решение, но наконец первый внятный вопрос: что будет, если заставить замолчать сам металл?

— Не сегодня, — сказала она, словно услышала мою мысль.

— А я только хотел предложить мне ещё раз ударить по руке.

— Завтра хватит работы без твоих подвигов.

За спиной ведущий репетиции спросил у администратора, нужно ли оставлять в программе «человека с палочкой». Администратор ответил таким голосом, что я даже не разобрал слов, зато понял смысл целиком.

Рояль молчал. Служебная дверь пустовала, а музыкант у пюпитра по-прежнему не делил публику на живую и мёртвую. Серебро, если оно там действительно было, никуда не денется за ночь. А вот люди Мезенцева могли вернуться раньше утра.

Глава 4. Тяжёлая нота

Крышка банки с кофе не поддалась даже с третьей попытки. Я поставил её на стол, словно сам так и собирался. Врач, к которому Марина всё-таки затащила меня вечером, перелома не нашёл, зато посоветовал не испытывать удачу и поберечь руку. Я спросил, распространяется ли совет на разговоры с покойниками. Врач осмотрел меня внимательнее и, кажется, мысленно вызвал коллегу другого профиля.

Марина не засмеялась. Дома она без единого слова достала из ящика эластичную повязку и положила рядом с моей кружкой. Вчерашний зольный заслон обошёлся ей дороже, чем она хотела показать: пальцы ещё подрагивали, а под глазами залегли тени. Я прикинул, что если сегодня нас снова оглушат, избьют и выставят из концертного зала, то за такие развлечения давно пора продавать абонементы.

— Сегодня без подвигов, — сказала она.

— Я даже кофе одной рукой наливаю. Разве это не доказательство благоразумия?

— Ты держишь кружку травмированной.

Я переставил её в другую ладонь. Благоразумие оказалось делом скользким.

Елена звонила дважды: сначала предупредила, что вечером концерт состоится, затем сообщила, что в зал уже приехали временные рабочие от организаторов. После вчераш-

него налёта любая незнакомая рабочая куртка выглядела подозрительно. Пётр Андреевич, администратор с голосом старого дверного доводчика, разрешил нам осмотреть рояль до начала основной подготовки. Потом сцена переходила в распоряжение музыкантов, и разговоры о серебре должны были уступить место разговорам о репертуаре.

Мы приехали к «Северному» после обеда. У входа висел свежий плакат концерта, а ниже кто-то приклеил объявление: «Просим сохранять тишину в зале». Я долго смотрел на него.

— Что? — спросила Марина.

— Представляю, как Родион читает правила поведения. Сейчас обидится, что к нему обращаются по объявлению.

Она проверила взглядом входы и ответила:

— Не думай, что покойник не умеет читать. Думай, что живые умеют поджигать чужую репетицию ради денег.

В фойе Елена встретила нас с ключами в руке и таким выражением лица, какое бывает у человека, который всю ночь составлял список неприятностей и с утра обнаружил, что список ещё не полный.

— Людей Мезенцева в зале быть не должно, — сказала она. — Я распорядилась. Но сегодня у нас сборный концерт, половина технической команды приходит по чужим пропускам. За каждым не проследишь.

— За вами тоже, — заметил я. — Поэтому далеко от сцены не уходите.

— Я здесь работаю, Артём. Не вы.

Елена сказала это без грубости. Она не собиралась отдавать нам ни зал, ни рояль, ни собственные решения. И мне стало спокойнее: хозяин, который способен спорить, лучше хозяина, который надеется на чудо.

Пётр Андреевич встретил нас возле первого ряда. На пиджаке у него красовалась новая пуговица, явно не из одного набора с остальными. Вчерашнее столкновение дорого обошлось не только моей кисти.

— Десять минут, — предупредил он. — Затем пойдут настройщики и звукорежиссёр. Концерт в семь, и я отказываюсь объяснять дирижёру, почему у нас вместо рояля идут археологические работы.

— Мы не копаем пол, — сказал я.

— После вчерашнего я не удивлюсь, если вы предложите выкопать зал целиком.

Сцену ещё не осветили полностью. Рабочие убирали вчерашние ширмы, у бокового выхода стояла тележка с чехлами. Латунный пюпитр находился на прежнем месте, чуть в стороне от рояля. Родион Белов стоял возле него, бледный, ссутулившийся, в старом концертном костюме. Живые проходили мимо, не замечая его вообще. Только я видел, как скрипач следит за их руками. Он не смотрел на Елену. Не смотрел на меня. Следил за руками тех, кто трогал сценическое имущество.

— Сегодня к нему не подходим, — сказала Марина. —

Сначала посмотрим инструмент. И никаких геройских опытов со звоном.

— Опытов? Я у нас по гуманитарной части. Меня бьют, я делаю выводы.

Мы поднялись на сцену со стороны рояля, обходя пюпитр широким полукругом. Я присел возле той самой ножки, которую вчера передвигали чужие люди. От удара при перемещении внутри раздался глухой отклик. Теперь я осторожно тронул наружную обшивку здоровой рукой. Дерево казалось целым, но по нижней кромке тянулась едва заметная щель. Внутри будто лежало что-то, не относящееся к музыкальному инструменту.

— Здесь могли чинить опору, — сказал я.

— Могли, — ответила Елена. — Рояль старый. Его несколько раз реставрировали.

Я не стал изображать краснодеревщика. Дерево под пальцами отвечало глухо, металл не звенел. Рядом Елена придерживала край чёрного чехла, чтобы тот не закрывал свет. Марина осталась лицом к пюпитру: наблюдала за Родионом, который не любил, когда его сцену превращали в склад чужих намерений.

— Видите? — Елена наклонилась. — Тут два косых штриха.

У самого основания, там, где лак истёрся от времени, темнела небольшая отметка: две короткие черты, пересечённые третьей. Я раньше принял бы их за случайную царапину.

Елена провела пальцем рядом, не касаясь повреждённого места.

— Это метка мастера Антонова. Он ремонтировал рояль для отца. Я помню его чемодан и пальцы, все в тёмной полировке. Такими знаками он отмечал детали, которые переделывал.

— То есть мы нашли место ремонта. Пока без серебра.

— Отец однажды сказал, что Антонов умеет делать тайники лучше обычных шкафов.

Я выпрямился. Марина перевела взгляд с пюпитра на Елену.

— Вы вчера об этом не сказали, — заметила она.

— Потому что вчера какие-то люди били ваших друзей и уносили мой рояль. Я не знала, что верить своим догадкам можно. А ещё боялась, что вы немедленно захотите его разобрать.

Елена посмотрела на мою повязку. Ответ у неё получился неприятно убедительным.

— Когда это было? — спросил я.

— Несколько лет назад. Отец тогда перестал пускать в дом скупщиков. Один предложил за семейное серебро столько, что мама сначала рассмеялась, потом испугалась. Отец говорил: если кто-нибудь узнает, где лежат вещи бабушки, их не дадут сохранить. Позднее серебро исчезло из домашнего шкафа. Он уверял, что всё спрятал и вернёт, когда стихнет охота. После его смерти найти мы ничего не смогли.

— И рояль оказался здесь?

— Он всегда принадлежал семье, но отец передал его залу во временное пользование. Я оставила инструмент на сцене по его воле. Теперь это самое нелепое место, где я могла искать семейные вещи.

Я присел перед ножкой рояля. Нелепое — понятие относительное. Если прятать серебро от человека, привыкшего обыскивать сундуки и шкафы, лучше выбрать огромный дорогой предмет, в котором никто не додумается искать тайник. Впрочем, пока у нас имелись только отметка мастера и чужой интерес. Находкой это назвать было рано.

— Разрешите проверить именно этот участок, — попросил я. — Без вреда инструменту. Если не получится, сегодня дальше не лезем.

— Разрешаю, — сказала Елена. — Но при мне.

Пётр Андреевич возник словно по вызову недовольства.

— Время вышло.

— Ещё немного, — ответила Елена. — Я отвечаю за рояль.

— А я — за сорванный концерт. Вечером сюда придут зрители с билетами, и никакой ваш клад им вместо музыки не сыграет.

— Если вы позволите моим людям ещё раз войти сюда с палками, — сказала Марина, — будет чем сыграть похоронный марш.

Администратор посмотрел на её усталое лицо и на мою

руку. Он явно решил, что шутить об опасности чужого здоровья сегодня не стоит. Но уступить сцену полностью тоже не собирался.

— Пятнадцать минут до начала настройки, — бросил он. — После этого ни шагу за занавес.

Я вернулся к ножке. Под выступом ощущалась упругая кромка старой обивки. Поддалась она только после того, как я нашёл движение, не требующее силы повреждённой кисти. Несколько пылинок упало на чёрный пол. Я увидел узкий тёмный зазор. И ровно в этот момент за спиной раздался чужой голос:

— Господа, вы опять концертный инструмент калечите?

Мезенцев стоял у бокового входа. Не на сцене — за нижней ступенькой, рядом с техником, которому предъявлял пропуск организатора. На лацкане у него виднелся маленький значок с золотой каймой. Вчера такой уверенности в собственной безнаказанности у него хватило на несколько разбитых лиц.

— Проход закрыт, — сказала Елена.

— Я и не прохожу. Проверяю, почему специалисты настраивают рояль по ночам и с травмированными руками. Концерт важный. Покупатели серьёзные. Будет досадно, если на сцене опять кто-нибудь потеряет сознание.

Он произнёс последнюю фразу громче, чем остальные. Родион повернул голову.

— Это угроза? — спросил я.

— Это наблюдение. Вы очень чувствительны к словам, Горин. С такой профессией полезнее быть чувствительным к весу металла.

Мезенцев не сделал шага к инструменту. Вместо этого подозвал пальцем рабочего с переносным ящиком. Молодой парень держался растерянно, словно попал в спор двух начальников и ещё не выбрал, чьё распоряжение дороже.

— Подними вон ту подставку, — сказал Мезенцев. — С края сцены убери. Она людям проход мешает.

Я видел, куда он показывает. Старый латунный пюпитр.

— Не трогай! — крикнула Марина.

Рабочий остановился, но Мезенцев снова жестом указал вперёд:

— Ты за что деньги получаешь? За то, чтобы тебя ведьмы пугали?

Парень шагнул на сцену. Пётр Андреевич рванулся к нему, но наткнулся на Мезенцева, который вежливо выставил ладонь. Движение вышло слишком точным для случайного недоразумения.

— Марина! — позвал я.

Она уже двигалась, не к мертвецу — к живому рабочему. Но мы находились у рояля, а парень успел дотронуться до латунной стойки прежде, чем кто-нибудь перехватил его руку.

Пюпитр вздрогнул. Родион резко поднял смычок.

Звон ударил по сцене с такой силой, что у меня дрогну-

ли зубы. Это был не обычный дребезг металла. Высокий, режущий резонанс будто прошёл через доски, через ботинки, через кости. Рабочий упал на колени, отпустив стойку, но звук не сразу исчез. Елена вскрикнула и схватилась за край рояля. Марина, уже оказавшаяся ближе к пюпитру, замерла, обеими руками прижав уши. Родион смотрел сквозь неё с яростью человека, у которого опять ломают ноты.

Я успел только схватить Елену за локоть здоровой рукой. Больная кисть бесполезно дёрнулась. Мы рухнули на нижнюю ступеньку и сползли с подиума. Там звук оставался противным, но перестал сжимать голову изнутри. Елена сидела, часто дыша. Рабочий наверху корчился, прижимая ладони к вискам. Марина выпрямилась, пошла к нему, но остановилась, когда металл снова задребезжал.

— Назад! — крикнула она. — Со сцены!

Рабочий пополз на четвереньках. Я подхватил его за куртку у первой ступеньки, вытянул вниз. Он не слышал моих слов, только смотрел мутными глазами. Мы вдвоём едва не сбили с ног Петра Андреевича. Тот был уже бледнее своей новой пуговицы.

Мезенцев не бросился помогать. Снаружи, за коридорной дверью, заскрипели подошвы. Двое мужчин в тёмных куртках быстро двинулись вдоль стены к служебному проходу за роялем. Пока все смотрели на пострадавшего, они собирались попасть к инструменту с другой стороны.

— Вот для чего ему нужен был звук, — сказал я.

Марина услышала, хотя сама ещё морщилась от удара.

— Не давай им отрезать Елену. Я выведу этого парня.

— Он уже внизу.

— Он ещё не в безопасности. Служебная дверь у них за спиной.

Она была права. Елена стояла у ступенек, а двое чужих приближались к сцене с пути, который вчера едва не стал дорогой для украденного рояля. Я потянул хозяйку за собой и вместе с ней ушёл к боковому проходу, где толпились работники. Марина поддержала оглушённого парня; он путался в ногах, и её плечо заметно опустилось под его весом. Пришлось отказаться от желания сразу бежать за Мезенцевым. Чужой расчёт сработал: мы теряли минуты, спасая людей.

— Пётр Андреевич! — крикнула Елена. — Закройте служебный выход. И не подпускайте никого к инструменту!

— Если выживу до вечера, лично запру всех на ключ! — ответил администратор.

Человек, который после двух дней таких репетиций ещё способен угрожать, заслуживал уважения.

Родион оставался у своего пюпитра. В фойе за широкой дверью посетитель спросил, не проверяют ли в зале пожарную сигнализацию. Я услышал его обычный голос и окончательно понял границу: на сцене дух бил металлом по людям; здесь, у прохода, до нас доходил только сам звук. Ни один зритель на улице не падал от волшебного удара. Мезенцев эту разницу уже тоже заметил. И собирался пользоваться ею.

Пока мы возвращали пострадавшего на ноги, из фойе послышалось недовольное:

— Кто тут продаёт антиквариат без моего участия?

Фёдор Ершов вошёл с обычной для него уверенностью владельца магазина, которому забыли выдать ключи от чужого здания. Пальто на нём сидело безукоризненно. Лицо, как всегда, не выражало того, насколько приятно иметь дело с живым вурдалаком, который любит дорогие вещи больше приличий.

— Ты опоздал, — сказал я.

— Я прибыл к назначенному часу. Если у вас уже состоялась драка, значит, кто-то не умеет держать график.

Елена вчера вечером получила его имя от меня, но сегодня явно не ожидала увидеть именно такого оценщика: тонкий шарф, безупречные перчатки и взгляд человека, который мысленно ставит ценник на потолочную лепнину.

— Вы специалист по серебру? — спросила она.

— Я специалист по предметам, которые пытаются продать люди, не знающие разницы между вещью и её блестящей поверхностью. Серебро тоже бывает среди них.

— А сцена у нас не торговый зал, — вступил Пётр Андреевич.

Фёдор медленно повернул голову к нему.

— Дорогой мой, пока что я вижу здесь рояль, антикварную стойку и человека, который готов продать всё это за спокойный вечер. В торговом зале хотя бы касса есть.

— У нас концерт через несколько часов!

— Прекрасно. Значит, есть шанс, что кто-нибудь наконец сыграет на этом рояле, а не станет им прикрываться.

Администратор задохнулся от возмущения. Марина, только что усадившая рабочего в кресло у двери, неожиданно улыбнулась. Фёдор заметил её дрожащие пальцы и перестал развлекаться.

— Что здесь действительно происходит? — тихо спросил он.

Я показал на сцену и объяснил коротко: пюпитр, дух, железный звон, попытка увести людей и рояль. О серебре сказал тоже. Фёдор не бросился к инструменту. Посмотрел сначала на Родиона, потом на меловую белизну лица Елены.

— Значит, инструмент пока принадлежит хозяйке, а каждый второй человек здесь считает его своим. Обычный день у антиквара. Только покойный скрипач у вас в штате бесплатный.

— Он никому не служит, — ответила Марина. — И в этом главная проблема. Как только к пюпитру подходят, он бьёт всех, кто рядом.

— Тогда я бы начал не с серебра, а с вопроса, кто направляет к нему людей.

Фёдор посмотрел в сторону служебной двери. Оттуда донёсся короткий удар, следом — шорох и ругань. Двое в тёмных куртках что-то проверяли за боковой кулисой. Разгуливать там они не имели права. Я шагнул к проходу, но Фёдор

ухватил меня за здоровое предплечье.

— Руку покажи.

— Тебе как оценщику?

— Как человеку, который не собирается объяснять Марине, почему ты опять решил победить шкаф голыми кулаками.

— Справедливо, — признал я. — Но они идут к роялю.

Фёдор посмотрел на старую стойку, потом на массивный чехол, сложенный у края сцены. Не заклинание, не новый чудесный приём — обыкновенная ткань. Ту мысль мы с Мариной почти ухватили вчера, наблюдая, как покрытый бархатом поднос перестаёт дребезжать.

— Этим можно приглушить сам металл, — сказал Фёдор. — Не обязательно воевать с тем, кто его раскачивает.

— И подойти к нему придётся кому-то живому, — ответила Марина.

Она уже понимала цену такого решения. После двух резонансных ударов её лицо было серым, но глаза оставались ясными.

— Сейчас никто не подходит, — сказала Елена. — Пока те двое за сценой.

Фёдор кивнул. Он не спорил с хозяйкой, и для него это было событием, достойным отдельной записи в календаре.

Пётр Андреевич заговорил в рацию, требуя от дежурных перекрыть доступ к сцене. В ответ хрипнул чей-то голос: человек со служебным пропуском только что вошёл через бо-

ковую дверь. Пока мы смотрели на пюпитр, помощник Мезенцева уже проник на сцену с другой стороны. Отвлекающий манёвр удался.

Я вернулся к роялю коротким путём вдоль кулисы. Елена пошла рядом, хотя Марина велела ей держаться у безопасной ступеньки. На этот раз хозяйка инструмента сама объяснила, куда не пускать налётчиков: один проход через кулису, другой вдоль концертных пультов. Мы не спорили о собственности — нам нужно было не дать двум мужикам вынести вещь, ради которой уже пострадали люди.

У подозрительной ножки теперь был след нашего осмотра. Лаковая кромка едва приподнята. Я опустился на одно колено, ощупал внутреннюю полость здоровыми пальцами. Холодная ткань коснулась кожи. Никакого волшебного сияния, никакого ответа перстня. Там лежало что-то настоящее, свёрнутое и запылённое. Я подцепил самый край и увидел плотный старый холст, под которым угадывались неровные тяжёлые предметы.

— Нашёл, — сказал я.

Елена присела возле меня, не касаясь тайника.

— Это он?

— Похоже на семейный свёрток. Но пока я не достал его, утверждать рано.

— Отец завязывал такие холсты белой бечёвкой, — прошептала она. — После похорон я нашла один пустой в шкафу. Я тогда решила, что он выбрасывал старые вещи.

Я отодвинул пальцами пыль. На холсте выступала тонкая белёсая петля. Сердце неприятно толкнулось: клад существовал. Не обещание от призрака, не купленная версия, не чужой пересказ. Его край был у меня под рукой. Но достать свёрток одним движением не получалось, а ломать семейный рояль на глазах Елены я не собирался.

Позади скрипнула дверь. Двое мужчин в тёмных куртках появились из-за кулисы. Первый держал короткую дубинку. Второй оглядывался на пюпитр и почему-то всё время смотрел вверх, к осветительной галерее.

— Отойдите от инструмента, — приказал первый.

— Опоздали, — сказал я. — Собственница уже на месте.

Один из мужчин шагнул вперёд. Фёдор возник из бокового прохода обычным шагом, без прыжка и фокусов, и остановился так, что налётчику пришлось свернуть к кулисе. Вурдалак оценил дубинку, затем посмотрел на мою повязку.

— Ещё одна? — спросил он. — Артём, ты собираешь железный лом или тебя собирают им?

Я не ответил. У второго налётчика в руке блеснул телефон. Он коротко сказал в него:

— Видят. Давайте сейчас.

Со стороны служебной лестницы раздался стук двери, и свет в зале погас.

Не театрально, с красивым затуханием. Просто исчезли рабочие прожекторы, полосы на полу и освещённые лица. Остались только бледные аварийные огни у выходов. Я успел

прижать ладонь к ножке рояля, чтобы не потерять место. Елена замерла рядом. Фёдор тихо выругался: в темноте он видел лучше меня, но против обычной дубинки это не гарантировало покоя.

— Не двигайтесь к пюпитру! — крикнула Марина от ступенек.

Поздно. Кто-то из налётчиков на ощупь задел металлическую стойку. Из тьмы донеслось звяканье, за ним — высокий звук, от которого у меня похолодела спина. На сцене, возле пюпитра, проступил бледный силуэт скрипача. Родион поднял смычок, и металл ответил ему мучительным резонансом.

Двое людей Мезенцева бросились к роялю, пока мы закрывали головы руками. Первый ударил по крышке ладонью, второй потянулся туда, где я только что нашёл холст. Он ещё не знал, что именно там лежит, но уже готов был вырвать всё вместе с деревом.

Я встал между ним и Еленой. Больная кисть сразу напомнила, что геройство обычно начинается не с победы, а с неправильно выбранной руки.

Свет погас. Серебро осталось в рояле, а дубинка уже шла мне в лицо. И тут от пюпитра ударил металлический звон.

Глава 5. Серебро в тишине

Металл взвыл так, будто кто-то пытался распилить железнодорожный мост тупым ножом. У меня заложило уши. Дубинка налётчика прошла над плечом, ударила по крышке рояля и отскочила. С крышки посыпались щепки. Второй мужчина дёрнул меня за куртку, и мы оба едва не рухнули на инструмент.

— Руки убрал! — заорал я.

Собственный крик глухо отдавался в голове — будто орал кто-то другой, да ещё из соседнего города.

Я толкнул нападавшего здоровым плечом. Он попятился, но зацепился пальцами за край холста, торчавшего из тайника. Рывок вышел слишком сильным: ткань затрещала, и из неё выскользнул небольшой тёмный предмет на цепочке. Мужчина поймал его прямо на лету.

— Есть! — крикнул он приятелю.

Я увидел блеск серебра. Не монета. Что-то плоское, округлое, с тусклой крышкой. Налётчик сунул добычу в кулак и метнулся к кулисам. Я хотел броситься следом, но рядом вскрикнула Елена.

Она стояла на верхней ступени узкого спуска со сцены. От пронзительного звона женщина зажала уши, потеряла равновесие и сорвалась вниз. Сначала ударилась коленом о край ступеньки, потом тяжело повалилась на бок.

У меня было ровно два выбора: догонять серебро или не дать хозяйке этого серебра сломать шею. Клад подождёт. Женщины, как выяснилось, не всегда.

Я бросился к лестнице. Больная кисть вспыхнула при первом же движении, поэтому схватил Елену под плечи другой рукой и оттащил на площадку за толстую боковую колонну. Она пыталась подняться.

— Медальон! — прохрипела она. — У него медальон!

— Видел. Дышите сначала.

— Отец… это отцовский…

— Тогда тем более не собираюсь дарить его человеку с дубинкой.

Над сценой по-прежнему выл металл. Один из налётчиков, тот самый с дубинкой, вдруг рухнул на колени возле пюпитра. Уронил оружие, схватился за голову и заколотил пятками по деревянному настилу. Ему досталось сильнее остальных: он оказался почти вплотную к старой стойке.

В мерцающем свете аварийной таблички возник Родион. Бледное лицо, старый концертный костюм, смычок в узких пальцах. Он не смотрел ни на меня, ни на Елену. Только на людей, которые топтались возле его пюпитра. Для него мы все были одинаковыми незваными гостями.

— Марина! — позвал я.

Из полутьмы у кулисы донеслось:

— Вижу! Не подходи к стойке!

Сама она шагнула вперёд. Дрожь в пальцах была заметна

даже при аварийном освещении. После вчерашней защиты и двух неудачных попыток прикрыть людей от звона силы у неё оставалось немного. Однако Марина не стала тратить их на ещё один зольный заслон. Она огляделась, заметила бухточку плотной хлопчатой нити на швейном ящике костюмеров и быстро намотала конец на ладонь.

Родион поднял смычок. Пюпитр отозвался новым ударом. Коленопреклонённый налётчик завыл уже без всякого героизма.

— Отползаешь! — крикнула ему Марина. — На четвереньках, если ходить разучился!

Мужчина пополз. На этот раз послушался ведьму быстрее, чем своего нанимателя.

Елена крепко держалась за мою куртку. Я осторожно разжал её пальцы и подвинул под ноги свёрнутую дорожку, чтобы она могла опереться пятками. Колено уже распухало, а на виске темнела полоска от удара о ступень. До сих пор она старалась говорить только о рояле. О собственных ранах словно стеснялась вспоминать.

— Если станет хуже, сразу зовите, — сказал я.

— Он ведь специально это устроил? — спросила она, кивнув на человека, ползущего прочь от сцены.

— Мужик с дубинкой? Да. А скрипач работает без договора. Ему никто приказов не отдавал.

Елена стиснула зубы. Дух возле пюпитра ни на кого не глядел. Даже при скудном свете было видно, что чужой боли

он почти не замечал — как зритель пыли над оркестром. Это злило меня сильнее нападения. С живого урода можно спросить за удар. С покойника, который давно перестал слышать человеческие голоса, разговаривать куда труднее.

Я оставил Елену сидеть у стены и пошёл к Марине. Не в лоб, не прямо к железу. Вдоль крайней кулисы, где звук ещё бил по зубам, но ноги слушались. Фёдор уже двигался к другой стороне сцены. Мы встретились взглядами. Он указал туда, куда убежал обладатель медальона, и исчез за складками занавеса обычным шагом.

— Сначала стойка, — сказала Марина, когда я приблизился.

— Я видел чехол.

— Отлично. Значит, хоть кто-то у нас сегодня помнит о вещах, которые стоят дешевле человеческой головы.

За два последних дня я услышал от неё столько полезных замечаний о собственной голове, что всерьёз задумался о шлеме. Но сейчас спорить было некогда.

Марина присела у пюпитра сбоку. Родион мгновенно повернулся к ней. Его смычок не касался латунной стойки, а она всё равно дрожала, подхватывая чужой, неправильный звук. Я видел источник. И понимал, что никакой перстень с «Чёрным откликом» от этой мерзости не спасёт. В меня не летело боевое заклятие. Звенел настоящий металл.

— Ты здесь играл, — выдохнула Марина, обращаясь к скрипачу. — Я понимаю. Но люди не обязаны умирать за

твою музыку.

Родион не ответил. Силуэт дёрнулся к пюпитру, будто собирался закрыть его собой. Марина резко натянула нить поперёк стойки, захлестнула её за выступ, затем обвела вокруг дрожащей поперечины. Нить натянулась, поперечина перестала дрожать в такт звону. Удар по ушам ослаб, и я снова расслышал шаги у рояля.

Нить задрожала вместе с металлом. Марина намотала конец на пальцы плотнее, хотя кожа у неё уже покраснела. Я вспомнил, как она вчера пыталась прикрыть меня своей защитой у мастерской. Там хоть было понятно, против чего выставлять заслон. Здесь противник стоял перед нами, мёртвый и рассерженный, а опасность шла от железной стойки, которой мог коснуться любой дурак.

Её можно было расколотить дубинкой, но осколки только разлетелись бы по сцене. Унести её через весь зал, пока Родион поднимал смычок, тоже не получилось бы. Я машинально поискал глазами молоток, отругал себя за привычку механика и снова посмотрел на плотную ткань. Иногда лучший ответ магии лежит на полке реквизита и пахнет пылью.

Этого оказалось мало. Звон стал ниже, грубее, но всё ещё бил по голове. У Марины побелели губы.

— Чехол! — сказала она.

Плотная сценическая ткань лежала в двух шагах. Я подхватил её свободной рукой и потянул к пюпитру.

Родион поднял смычок выше. Я видел его глаза — пустые,

злые, полные какой-то старой обиды. Может, он считал, что мы снова собираемся отнять у него сцену. Может, просто не умел теперь останавливаться. Времени уточнять не было.

— Сейчас! — крикнула Марина.

Мы вдвоём набросили чехол на пюпитр. Я прижал плотную ткань к металлу, Марина удержала нить. Последний звон пробился сквозь чехол коротким, болезненным стоном — и оборвался.

Тишина ударила неожиданнее любой дубинки.

Где-то за кулисами закашлялся человек. Сверху капнула вода из повреждённого стакана. По залу протянулся слабый гул голосов. Я впервые за несколько минут услышал собственное дыхание.

Родион остался на сцене. Не растаял, не умолял отпустить его и не поклонился победителям. Он стоял возле накрытого пюпитра и смотрел на нас с таким выражением, словно мы пришли в ресторан и завернули ему скрипку в скатерть.

— Прости, артист, — сказал я. — Сегодня у нас антракт.

Марина резко разжала пальцы. Нить повисла. Я успел подхватить её под локоть, когда колени ведьмы подогнулись.

— Не трогай стойку, — прошептала она. — Пока чехол на месте, легче. Снимут — снова начнётся.

— Не снимут.

— Ты всем это объяснил?

Я оглядел сцену. Налётчик с дубинкой лежал у бокового выхода, не собираясь спорить. Остальные в темноте куда-то

делись. Наш администратор Пётр Андреевич выглянул из-за занавеса с выражением человека, который мысленно уже написал заявление об увольнении самому себе.

— Пётр Андреевич, — сказал я, — у вас там очень дорогой предмет под чехлом. К нему никого не подпускать.

— Это же музыкальное оборудование!

— Сейчас оно производит исключительно расходы на лечение. Оставьте до конца вечера в покое.

Он посмотрел на дрожащую Марину, на мужчину у выхода и впервые за всё знакомство не стал требовать объяснений по форме. Достал рацию и коротко распорядился никого не пускать к старому пюпитру.

Почти сразу из-за кулисы донёсся грохот. Фёдор, судя по звукам, нашёл человека с медальоном. И тот не оценил встречу.

Я помог Марине сесть на ближайший стул. Она пыталась возражать, но руки у неё дрожали так, что даже вытереть лоб оказалось непросто.

— Сиди, — сказал я.

— Не командуй ведьмой.

— Тогда считай, что это просьба человека, который уже дважды видел, как ты за него расплачиваешься.

Она посмотрела на меня внимательно, без обычной насмешки, и всё-таки осталась сидеть.

Я побежал за кулису. Там пахло мокрым бархатом, пылью и чужим страхом. Налётчик с медальоном был уже у служеб-

ного прохода. Перед ним вытянулся длинный ряд одежных стоек, за которыми светились две аварийные лампы. От них на полу лежали отдельные чёткие тени — в паре шагов друг от друга.

Сквозь приоткрытую дверь было видно фойе. Там горели обычные лампы, по плитке торопливо пробежала уборщица с ведром и спряталась за стеной. До выхода оставалось несколько шагов. Если вор успеет выскочить на светлую площадку, догнать его с моей рукой станет почти невозможно. Я мысленно пообещал себе не поднимать тяжёлого как минимум до завтра. Обещание было настолько разумным, что судьба наверняка собиралась его нарушить.

Фёдор оказался справа от прохода. Налётчик заметил его и метнулся влево. Должно быть, решил, что солидный господин в хорошем пиджаке гоняться не станет.

Это была ошибка человека, который раньше не встречался с моим знакомым антикваром.

Фёдор метнулся в ближайшую тень и мигом появился из другой, всего в нескольких шагах, прямо на пути налётчика. Тот даже не успел повернуться.

Налётчик впечатался в него плечом. Фёдор отступил на полшага, перехватил запястье с медальоном и развернул противника лицом к стойке с костюмами.

— Осторожнее, — произнёс он почти ласково. — Это чужой реквизит. А чужие вещи я привык возвращать хозяевам.

Мужчина ударил его локтем в лицо. Фёдор выругался, на-

стоящим человеческим матом, и ответил коротким ударом в корпус. От неожиданности налётчик согнулся, но цепочку не выпустил. Вторая рука метнулась к карману.

— Нож! — крикнул я.

Фёдор сместился, и лезвие рассекло рукав его пиджака. Ткань расползлась почти до локтя.

— Вот теперь, — сказал Фёдор, — ты меня всерьёз обидел.

Он ударил запястьем противника о край мягкой стойки. Нож выпал. Мужчина рванулся к другому проходу, но я встретил его плечом. Он ткнулся носом в мой воротник, я едва удержался на ногах. Сегодня явно хватало травматологии без дополнительных заказов.

В эту секунду над проходом вспыхнул рабочий прожектор. Кто-то из осветителей сумел вернуть питание на отдельную линию. Яркий прямой свет прорезал темноту, разорвал удобные тени. Фёдор посмотрел на пол, поморщился и пошёл дальше обычным шагом: второй переброс больше не получился бы.

Налётчик попытался проскочить под освещённой аркой. Фёдор догнал его без всякой нежити в помощь. Схватил за ворот, поставил лицом к стене и выдернул из сжатого кулака серебряный медальон.

— Вот и всё, — сказал он.

— Ты кто вообще такой? — просипел мужчина.

— Человек, чьё пальто ты испортил. Это самая дорогая

часть разговора.

— У тебя нет права…

Фёдор показал медальон.

— На это у меня тоже нет права. Поэтому сейчас отнесу хозяйке. Попробуй запомнить разницу.

С другой стороны прохода появились два сотрудника зала. Они слышали драку и держали в руках обычные фонари. Фёдор передал им налётчика, не превращая происходящее в торжественную церемонию. Тот уже не сопротивлялся. С лезвием на полу и разбитым носом геройствовать становилось трудно.

Я подхватил упавший нож за рукоять и отнёс подальше от чужих ног. Фёдор заметил, как я морщусь, и посмотрел на кисть.

— Третий раз за вечер?

— Я веду счёт твоим испорченным костюмам. Пока ничья.

— У меня один костюм. А у тебя две руки. И ты явно решил проиграть обеими.

Мы вернулись к роялю. Елена уже стояла рядом с Мариной, опираясь на перила. Колено у неё было разбито, на светлой ткани выступало кровавое пятно. Но она держалась ровно. Увидев в руках Фёдора серебряную вещицу, замолчала на середине фразы.

— Это он, — выдохнула она.

Фёдор не стал изображать фокусника. Разжал ладонь. На

потемневшем серебре виднелась крошечная выемка на ободке.

— В детстве я уронила его на плитку, — сказала Елена. — Отец потом смеялся, что теперь у нашей семьи собственная отметина.

Она потянулась к медальону и остановилась, глядя на меня.

— Возьмите, — сказал я. — Он ваш.

Елена раскрыла крышку. Внутри лежала выцветшая фотография двух людей на летней веранде. Молодой мужчина в рубашке с закатанными рукавами обнимал женщину, похожую на Елену глазами. Она провела пальцем по лицу отца и быстро захлопнула медальон, будто боялась, что фотография рассыплется.

Фёдор отвернулся. Даже он понимал, когда лучше не оценивать чужое наследство вслух.

— Там ещё остальное, — сказала Елена. — Вы ведь видели свёрток?

— Видел, — ответил я. — И сейчас достану. Пока кто-нибудь не придумал взять за вход в рояль отдельную плату.

Пётр Андреевич едва не возмутился. Но потом вспомнил об отключённом свете, криках и людях с дубинками. Проглотил замечание.

Я опустился возле повреждённой ножки. Холст после рывка налётчика выступал наружу сильнее. Можно было обойтись здоровой рукой. Елена придерживала крышку, а

Фёдор следил за боковым проходом. Я без суеты вытянул свёрток целиком и положил на свободную поверхность рядом с инструментом. Никакого волшебства. Только старая ткань, пыль и тяжесть, от которой приятно отзываются пальцы копателя.

Белая бечёвка действительно сохранилась. Когда я развернул холст, на него со слабым звоном выкатились серебряные монеты. За ними лежал тонкий браслет с тёмным камнем и цепочка, оборванная у застёжки. Елена прижала ладонь ко рту.

— Браслет мамин, — сказала она. — На внутренней стороне буква «К». Отец заказал его перед свадьбой. А цепочка была от медальона.

Фёдор позволил мне самому показать находку хозяйке. Проверил лишь, что под холстом не осталось посторонних предметов, и отступил. Елена провела ногтем по внутренней стороне браслета. Там и правда была маленькая буква, стёртая по краям.

— Всё здесь? — спросила Марина.

— Я не знаю, сколько отец спрятал монет, — ответила Елена. — Но вещи узнаю. И не хочу, чтобы их снова забрали.

— Тогда уберём их от прохода, — предложил Фёдор. — Здесь сегодня слишком много желающих исполнить роль наследника.

Я заметил, что Елена не пытается пересчитать серебро. Вместо этого она провела ладонью по холсту, будто прове-

ряла, настоящий ли он. Наверное, отец десятки раз проходил рядом с этим роялем и не давал виду, что внутри скрыта часть семейной истории. Прятал от чужих рук, а вышло — от собственной дочери тоже.

— Он говорил, что в нашей семье вещи переживают людей, — призналась Елена. — Тогда я сердилась. Казалось, ему важнее старьё, чем мы. А теперь хочется спросить, зачем он боялся оставить это дома.

— Спросить уже некого, — тихо сказала Марина.

Елена кивнула. И впервые посмотрела на меня без настороженности, с которой встретила человека, пришедшего за чужим кладом. Я не стал говорить, сколько такая находка может стоить. В этот момент любые цифры были бы оскорблением.

Мы завернули серебро обратно. Медальон Елена надела себе на шею; цепочку из свёртка оставила рядом с монетами. Она не смотрела на них как на деньги. Для неё это были последние вещи людей, которых уже не вернуть.

Мне хотелось пошутить про цену билета, но язык не повернулся. За стеной всё ещё готовились к концерту. Грузили пюпитры, искали музыкантов, переругивались из-за света. Живая суета не прекращалась даже после драки с мертвецом. В Кобрине вообще мало что прекращалось окончательно, кроме терпения моей ведьмы.

— Елена, — сказал я, — серебро ваше. До конца вечера пусть лежит там, где ваши сотрудники смогут за ним смот-

реть. Потом решите сами, что с ним делать.

Она кивнула. Вопрос о награде я не поднимал. На сцене оставались кровь, сломанные вещи и целая гора неоплаченных неприятностей. Никаких денег я не получил, и записывать в доход было нечего.

К этому времени часть света вернулась. Двое сотрудников проводили женщину к удобному креслу и принесли аптечку. Марина отложила свою порванную нить, села рядом и начала помогать Елене с коленом. Сама дрожала, но уже могла уверенно держать салфетку.

У боковой двери возник ещё один налётчик, которого мы раньше видели возле пюпитра. Тот самый, что ползал после удара Родиона. Он не стал нападать. Прислонился к косяку, оглянулся на лежащую дубинку и поднял пустые ладони.

— Всё, хватит, — сказал он. — Я ухожу.

— С таким лицом тебя далеко не возьмут, — заметил Фёдор.

— Да пошёл ты.

— Он уже сходил, — сказал я. — Теперь твоя очередь объяснить, зачем вы сюда явились.

— Вам чего надо? Серебро уже у вас.

— Откуда вы знали про свёрток?

Парень посмотрел на мой забинтованный кулак, потом на медальон у Елены. Ему явно хотелось сказать что-нибудь дерзкое, но рядом стоял Фёдор с разорванным рукавом. Такое сочетание отбивало охоту выступать.

— Я про свёрток не знал, — буркнул он. — Нам сказали: забрать рояль целиком. Если начнут мешать — устроить шум возле старой стойки. А за вещи внутри отдельно заплатят.

— Кто сказал?

— Илья. Мезенцев. Кому ещё охота с концертами связываться?

— С кем вы должны были встретиться после работы?

— С ним. Сегодня после концерта, у западной террасы. Илья сказал, туда приедет заказчик. Я его не видел. И имени не знаю.

— Почему вдруг разговорился?

Парень зло усмехнулся.

— Потому что за эту дрянь нам обещали заплатить сразу. Половину кинули, остальное после дела. Ножи, кровь, башку звоном чуть не оторвало. А Илья трубку не берёт. Мне хватит.

Он мотнул головой на мужчину, которого сотрудники удерживали в проходе.

— Того тоже забирайте из своей коллекции. Я с ним больше не работаю.

— Сначала скажешь сотрудникам, кто отключил свет, — ответила Елена.

Парень растерянно моргнул. До этого момента он явно считал её исключительно хозяйкой рояля, которая умеет падать с лестницы. Теперь выяснилось, что у женщины имеет-

ся собственная воля и память.

— Там наш человек у служебной лестницы, — признался он. — Он уже смылся. Всё, больше не знаю.

Пётр Андреевич появился вовремя и запомнил сказанное. Он велел своим людям не пускать налётчика обратно за сцену и разобраться с пропусками. Я не стал изображать сыщика: имя Ильи мы знали и раньше, а неизвестного заказчика нельзя было вытянуть из чужой головы одним сердитым взглядом.

Когда парень ушёл под присмотром сотрудников, я ещё раз взглянул на сцену. Под плотным чехлом неподвижно стоял пюпитр. Рядом едва заметно мерцал Родион. Он по-прежнему не желал нам добра, но пока никто не тормошил металл, не мог обрушить на людей прежний звон. За край сцены он не пошёл. Для его мира у нашей победы имелись очень чёткие границы.

Марина подошла и осторожно взяла меня за здоровую руку.

— Кажется, мы успели, — сказала она.

— Не без потерь.

— Ты опять о своей кисти?

— О твоих руках. И о Фёдоровом пиджаке. Последнее, боюсь, обойдётся дороже.

Из прохода донеслось возмущённое:

— Я всё слышал!

Елена впервые за вечер рассмеялась. Тихо, устало, со сле-

зами на ресницах. Смех ей тут же отозвался болью в колене, но она продолжала улыбаться.

В дальнем конце зала зажглась репетиционная лампа. Кто-то осторожно тронул клавиши другого инструмента. Пётр Андреевич говорил музыкантам, что вечернюю программу придётся немного перестроить, но концерт всё-таки состоится.

До начала концерта оставалось время лишь на перевязку, крепкий чай и список тех, кому мы уже испортили планы. У западной террасы после концерта должен был появиться человек, заказавший охоту за чужим семейным серебром.

Я вспомнил коробочку с вороном, оставленную у меня в мастерской на хранение. Две разные царапины, чужая попытка выкупить её за безумные деньги, билет в «Северный» — пока только цепочка человеческих поступков. Никаких букв с именем заказчика на серебре не проступило. И я не собирался придумывать себе доказательства из красивой догадки.

Зато теперь у меня имелись люди, которые своими глазами видели нападение, и живой посредник, обещавший вечером вывести к покупателю. Я мог вернуться к автомобилям и понятным неисправностям. Но за чужим медальоном уже приходили с дубинками. Завтра они могли прийти к другим владельцам. Я не собирался ждать, пока это войдёт в городской распорядок.

Имени покупателя я ещё не знал. Зато он уже показал, как

скверно переносит поражения.

И очень надеялся, что у него хотя бы пиджак дешевле Фёдорова.

Глава 6. После аплодисментов

Перед концертом жизнь преподала мне три урока. Кисть распухает даже тогда, когда очень вежливо просишь её перестать. Чай за кулисами заваривают такой крепкий, что им можно снимать краску с автомобилей. И если на афише написано «торжественный вечер», это ничего не говорит о количестве людей с дубинками, которые явятся на мероприятие.

Пётр Андреевич выдал мне пакет со льдом, а потом заметил, что я приложил его к неправильной руке.

— Здоровая вам ещё пригодится, — сказал он.

— Я её берегу для особых случаев. Сегодня, кажется, будут.

Из служебного прохода вышла Елена Кравцова. На её колене белела аккуратная повязка, шагала она осторожно, но держалась так, словно в распоряжении концертного зала имелось специальное положение, запрещающее хозяйке хромать.

— Рояль остаётся здесь, — сказала она прежде, чем я успел спросить. — Я сама распорядилась. После концерта его закроют. И старую латунную стойку уберут в нашу музейную комнату рядом со сценой. Никаких чужих рук.

— Стойку лучше не трогать до самого конца вечера, — предупредила Марина.

Она сидела на краю диванчика, обхватив ладонями стакан воды. Дрожь уже почти прошла, но я помнил, как эти руки выворачивало после попытки остановить звон.

— Мы её закрыли чехлом, — добавила она. — Пока к металлу никто не лезет, он молчит. А потом пусть ваши люди перенесут пюпитр, когда сцена опустеет. В фойе его выставлять нельзя.

Елена молча кивнула. Спрашивать, почему музейное имущество нельзя показывать зрителям, она сегодня раздумала. И я её прекрасно понимал.

За приоткрытой дверью сцены стоял Родион Белов. В мерцающем просвете я видел человека с узким лицом и скрипкой, которой не существовало для обычных глаз. Он смотрел на укрытый пюпитр с такой ненавистью, словно тот задолжал ему несколько лет жизни и ещё требовал проценты. Потом заметил меня и отвернулся.

Я тоже отвёл глаза. Разговоры с обиженными покойниками редко заканчиваются взаимными извинениями.

— Программу сократили, — сообщила Елена. — Ударнику стало плохо после вашего… происшествия. Вместо большого финала будет два номера камерного состава. Но отменять вечер из-за этих мерзавцев я не намерена.

— А если мерзавцы купят билеты? — спросил я.

— Проверять посетителей будут мои сотрудники. Внутри зала драться запрещаю всем, включая вас.

— Неудобное правило. Мне бы его вчера сообщили.

Она впервые за несколько минут улыбнулась и пошла к выходу. Зал уже заполнялся. Публика в нарядных рубашках и платьях осторожно перешагивала через свежий след на полу у боковой двери. Сотрудники успели убрать осколки, но не все царапины. Кобринское искусство сегодня оставило в хозяйстве вполне материальную память.

Фёдор появился последним. Разорванный рукав пиджака он подвернул так, будто это была задумка модного дома, а не результат драки.

— Я требую включить расходы на одежду в стоимость культурной программы, — объявил он.

— К кому требовать будете? — поинтересовалась Марина.

— К тому, у кого сохранились деньги. У Горина, как я вижу, остались исключительно синяки.

— Они коллекционные, — сказал я. — Один достанется тебе в наследство.

Из зала донёсся первый осторожный аккорд. Фёдор прислушался и поморщился.

— Хоть рояль не трогают. После сегодняшнего я бы и от клавиш сдачи потребовал.

Елена оставила найденное серебро под присмотром двух своих сотрудников в закрытой комнате. Решение было её, как и сама находка. Я ещё раз посмотрел на дверь и отправился в проход к зрительским местам. У первого клада появилась законная хозяйка. У меня — новый вопрос: зачем

незнакомому заказчику так сильно понадобилось чужое семейное серебро?

Концерт действительно состоялся. Поначалу публика ждала объявления о переносе, но на сцену вышли четверо музыкантов, и привычный шёпот в креслах затих. Я устроился у стены, чтобы не мешать тем, кто умел получать удовольствие от музыки без привычки проверять аварийные выходы.

Родион стоял за кулисой. Мелодия заставила его поднять голову. Он двинул пальцами, будто искал гриф своей невидимой скрипки, и на мгновение стал похож на человека, ради которого этот зал и строили. Но к пюпитру не приблизился. Тяжёлый чехол лежал неподвижно. Ни нового удара, ни предупреждения от духа мы не получили.

Мне хватило этого маленького перемирия. Называть Родиона нашим союзником я не спешил. Сегодня мы с ним хотели одного; завтра кто-нибудь снова тронет пюпитр, и призрак решит иначе.

После первого номера я вышел в фойе проверить повязку. У стойки с буклетами меня ждал Важин. В одной руке он держал телефон, другой постукивал по краю чашки. Кофе в ней давно закончился.

— Если снова расскажешь, что нашёл должника в театре, — предупредил он, — я тебя выведу на сцену вместо ведущего.

— Мне нельзя. Я уже участвовал в первом отделении без

репетиции.

— Я заметил. Один мой клиент теперь ходит с видом человека, которому продали билет на собственные похороны.

— Мезенцев?

— А кто же. Только он внезапно стал менее занят. Его люди требуют свои деньги.

Важин повернул телефон экраном ко мне. На нём было сообщение от мужчины, которого я видел сегодня у служебной двери. Никаких чудес: несколько злых строк о невыплаченном остатке после сегодняшней работы и предложение встретиться с человеком, способным убедить нанимателя платить.

— Сам написал? — спросил я.

— Сам. Нашёл номер моего агентства по вывеске на машине. У меня, оказывается, есть репутация человека, которому платят за неудобные разговоры.

— Они же сами полезли за чужим серебром.

— И это меня не радует. Я не собираюсь выбивать для них премию за нападение. Но теперь знаю, что Мезенцев обещает одно, выдаёт другое и рассчитывает, будто обманутые подчинённые будут молчать.

За колонной шевельнулись двое мужчин. Один, с пластырем у виска, оглядывался на лестницу, второй поправлял воротник куртки и явно мечтал поскорее оказаться на улице. Я узнал обоих. Сегодня днём они бегали гораздо бодрее.

Важин не повышал голоса.

— Господа, у меня к вам один вопрос. Если начальник до сих пор не перечислил деньги за мою работу, почему вы верите, что он перечислит за вашу?

— Мы верим договору, — буркнул мужчина с пластырем.

— Тогда держитесь за него. Бумага полезная. Ею можно вытереть слёзы, когда вместо денег получишь пожелание здоровья.

— У нас половина есть, — сказал второй.

— Вот и я слышу, что половина. А у моего агентства перед Мезенцевым счёт на шестьдесят тысяч рублей. Полный.

Мужчины переглянулись. Им явно не нравилось, что другой кредитор разговаривает с ними так спокойно. Я по привычке оценил расстояние до дверей, но Важин шагнул чуть в сторону, закрывая проход между нами и зрителями.

— Без концертов, — сказал он тихо. — Хотите ругаться с Ильёй — ругайтесь на улице. Здесь люди пришли слушать музыку.

— Где он? — спросил человек с пластырем.

— Вот это вы и выясните сами. А когда найдёте, передайте, что я не собираюсь исчезать вместе с его долгом.

Они ушли к боковому выходу. Не потому, что прониклись высокими чувствами, а потому, что в фойе уже показалась Елена с двумя сотрудниками. Важин дождался, пока дверь захлопнется, и убрал телефон.

— Значит, ты нашёл их сам, — сказал я.

— Они нашли меня. Я только вовремя оказался достаточ-

но неприятным.

— Ты мог сказать Елене, где они.

— Уже сказал её администратору. И просил больше не пропускать. Разговоры о деньгах у них продолжатся снаружи.

Он повернулся к лестнице, но на секунду остановился.

— И ещё, Горин. Если Мезенцев срывает оплату даже своим бойцам, значит, кто-то выше держит его очень коротко. Или он сам украл у хозяина. Мне оба варианта не нравятся.

— Мне тоже.

— А тебе особенно не понравится, если снова полезешь драться с одной рукой.

Важин ушёл искать свой неоплаченный счёт. Я вернулся к залу и обнаружил Марину у дверей. Судя по тому, как она смотрела на мою повязку, разговор у нас назревал без всякого участия коллекторского агентства.

— Тебе нужно домой, — сказала она.

— До конца концерта осталось немного.

— Я не про концерт. Про то, что будет после.

— После я хочу узнать, кто заказал нападение. Возможно, всё ограничится одним недобросовестным коллекционером.

Марина так выразительно подняла бровь, что её можно было использовать вместо обвинительного заключения.

— Вчера за металлическую коробочку тебе предлагали двести тысяч. Сегодня несколько человек пытались увезти чужой рояль. Один из них признался, что заказчик придёт

лично. И ты считаешь дело законченным?

— Я считаю, что серебро осталось у Елены. Всё остальное пока чужие разговоры.

— За ними придут снова. Не обязательно сюда. У твоей мастерской есть дверь, которую ты только что оплатил. Данила оставил коробочку у тебя. Елена теперь знает, что её семейные вещи стоят чьей-то драки. Эти люди не остановились даже после звона призрака.

Я хотел ответить, что у меня давно появилась привычка встречать неприятности первыми. Но оглянулся на Маринины руки. Она держала их по швам, не позволяя дрожи вернуться. Даже сейчас, после короткого отдыха, усталость была у неё на лице.

— Ты сегодня дважды полезла под чужой удар, — сказал я.

— Один раз. Во второй я тебя вытаскивала. Ты в это время пытался доказать дубинке, что крепче её.

— Справедливости ради, у дубинки тоже есть жалобы.

Марина не улыбнулась.

— Мне не смешно, Артём. Мы собирались провести вечер вместе. Без вылазок, чужих кладов и людей, которые считают нас дешёвой расходной частью своей сделки. И вот мы стоим возле концертного зала, у тебя рука в бинте, у меня перед глазами до сих пор белые искры от того звона.

— Я помню про вечер.

— Тогда не обещай мне, что это последнее неприятное

дело. Скажи, что мы будем решать вдвоём, когда останавливаться.

С этим было труднее спорить. Не потому, что я считал себя правым. Просто за последние месяцы слишком привык действовать, а потом рассказывать Марине, почему опять не получилось иначе.

— Договорились, — сказал я. — Мы дослушаем концерт. Потом поговорим с тем, кто должен прийти к Мезенцеву. Если начнут угрожать — уйдём, а дальше решим вместе.

— Ты произнёс слово «уйдём» без выражения физической боли. Прогресс.

— Я тренируюсь.

Она осторожно взяла мою здоровую руку. Мы несколько мгновений стояли молча, пропуская зрителей обратно в зал. Оттуда потянуло тёплым светом и музыкой. Хотелось войти, сесть рядом и хотя бы на двадцать минут стать обычными людьми. Но за стеклом входной двери остановился дорогой чёрный автомобиль.

Я заметил его случайно: на мокром асфальте отразились огни, и машина плавно свернула к ступеням. Водитель остался внутри. Из задней двери вышел мужчина в тёмном пальто, без охраны и без всякой спешки.

Виктора Вельского я узнал сразу. Никакая магия мне для этого не понадобилась. Бывают лица, которые неприятно вспоминать даже на спокойной улице. Его — особенно.

Он не стал оглядываться по сторонам или подавать людям

тайные знаки. Подошёл к кассе, дождался, пока женщина за стеклом освободится от покупательницы с букетом, и попросил билет.

— Только на последнюю часть вечера, — уточнил он.

Кассирша посмотрела в экран.

— У нас остались места сбоку. Будет видно не всю сцену.

— Меня устроит.

Он заплатил, получил бумажный билет и, заметив меня у дверей зала, слегка наклонил голову. Жест был такой вежливый, что захотелось немедленно проверить карманы.

— Артём. Марина. Рад видеть вас в добром здравии.

— Вы выбрали странный вечер для проверки здоровья, — ответил я.

— Мне сказали, что здесь выступают хорошие музыканты.

— Вас плохо информировали. Сегодня здесь хорошо выступали ещё и люди с дубинками.

Вельский не перевёл взгляда на мою руку. Не потому, что не заметил. Наоборот: слишком старательно оставил эту подробность без внимания.

— Отвратительная история, — сказал он. — Надеюсь, виновным не позволят испортить вечер.

— Одному из них это уже удалось. Он зовётся Илья Мезенцев и представляет ваши интересы.

— Илья действительно работает со мной по нескольким поручениям. Остальное мне ещё предстоит узнать.

Марина сделала шаг ближе. Я почувствовал, как она на-

пряглась, но ни тени заклинания вокруг нас не возникло. Вельский оставался человеком, хорошо одетым и отлично умеющим улыбаться. От этой улыбки у меня не переставала ныть кисть.

— У вас есть билет, — сказала Марина. — На нём написан ряд. Советую не перепутать со сценой.

— Благодарю за заботу. Умение держаться на своём месте нынче большая редкость.

Он направился в зал. Билетёрша оторвала контрольную полоску и проводила его взглядом. Вельский прошёл мимо нас, не коснулся ни одного человека и занял место у бокового прохода. Если бы я увидел его впервые, подумал бы, что пришёл богатый любитель музыки. После истории с коробочкой и роялем его спокойствие выглядело куда хуже открытой угрозы.

— Он знал, что мы здесь, — сказала Марина.

— Возможно. Может, Мезенцев успел отчитаться. Может, приехал по другой причине.

— Ты опять подбираешь ему оправдания?

— Я подбираю то, что смогу предъявить ему в лицо, не придумывая остального.

Мы вернулись к местам. На сцене начали последний номер. Вельский слушал внимательно, несколько раз аплодировал, а когда музыканты поднялись на поклон, первым встал вместе со всем залом. Я смотрел не на него, а на Елену, сидевшую возле прохода с выпрямленной спиной и забин-

тованным коленом. Она тоже хлопала, хотя ей было больно. Этот концерт она упрямо отстояла у людей, которым интереснее было вытащить из рояля серебро.

Овация вышла громкой. Родион у кулисы поднял призрачную скрипку и повернул голову к музыкантам. Он не пытался вызвать новый звон. Пюпитр оставался накрытым. От аплодисментов призрак не стал добрее, но на несколько секунд перестал казаться готовым растерзать любого, кто приблизится к его старому месту.

После поклона Елена направилась к сцене. Ей понадобилась помощь сотрудника, чтобы пройти ступеньки, но от чужой руки она не отказалась. Марина смотрела ей вслед с заметным одобрением.

Вельский дождался, пока зрители двинутся к гардеробу, и подошёл к нам у бокового прохода.

— Поздравляю, — произнёс он. — Несмотря на неприятности, вечер состоялся.

— Это заслуга Елены и музыкантов, — сказал я. — Вам удалось послушать музыку. Теперь скажите, что именно вы хотели получить из её рояля.

Вельский остановился так, чтобы между нами оставалось достаточно места. За его плечом прошла пожилая пара, обсуждавшая последний номер. Он терпеливо пропустил их, даже придержал дверь. На мгновение я увидел, как женщина благодарно ему улыбнулась. Для неё происходил обычный культурный вечер. Для меня этот же человек мог оказаться

тем, кто оплатил сегодняшнюю драку.

— Старое семейное серебро, — произнёс он наконец. — Я слышал, что в этой семье сохранились интересные вещи. Разумеется, они меня заинтересовали. У меня и не было причины скрывать этот интерес.

— А людей с дубинками вы послали от скуки?

— Я не приказывал никому нападать на владельцев зала, на вас или на посетителей. Если Илья допустил насилие, он ответит передо мной за самоуправство.

— Перед вами? — переспросила Марина. — Елена лежала на лестнице. Горин едва не получил дубинкой по голове. Вам кажется, что речь о нарушении служебной дисциплины?

— Мне кажется, — мягко сказал Вельский, — что вы уже сделали выводы, для которых пока мало оснований.

Я почувствовал, как болит перевязанная кисть. Очень хотелось предложить ему осмотреть следы дубинки лично. Но Марина стояла рядом, и я слишком хорошо помнил наш недавний разговор.

Из боковой двери вышел Мезенцев. Его лицо за день успело утратить деловую свежесть. Он увидел Вельского, остановился и сразу изменил направление. Двое других мужчин, шедших следом, тоже притормозили. У одного торчал из кармана сложенный лист бумаги. Я предположил, что счёт, но проверять не собирался.

— Виктор Сергеевич, — начал Мезенцев. — Я уже урегулирую вопрос. Там люди неправильно поняли распоряже-

ние, и…

— Илья, — произнёс Вельский.

Никакого магического давления я не почувствовал. Он даже голоса не повысил. Просто посмотрел на помощника.

Мезенцев замолчал.

— Уведите своих людей. Сейчас. Без разговоров с сотрудниками зала. И перестаньте трогать имущество Кравцовой.

— Но мы договаривались, что после концерта…

— Сейчас.

Мезенцев побледнел, оглянулся на спутников и коротко кивнул. Те прошли к выходу, не задавая вопросов. Сам он задержался ещё на секунду. Взгляд его скользнул по моему забинтованному кулаку и по Марине.

— Вы меня слышали, Илья, — сказал Вельский.

— Да, Виктор Сергеевич.

Он ушёл. Я смотрел ему вслед и видел, что человек, который ещё недавно распоряжался чужими кулаками, способен моментально забыть собственную важность. Это не доказывало, что Вельский приказал напасть. Зато очень наглядно показывало, кому Мезенцев действительно подчиняется.

— Вы всегда так легко прекращаете нападения? — спросил я.

— Предпочитаю предотвращать их. Сегодня, к сожалению, узнал слишком поздно.

— Очень удобное время для позднего узнавания.

Вельский выдержал мой взгляд. В дверях фойе мелькнул

Важин; он разговаривал по телефону и не заметил нас. Ему ещё предстояло предъявить собственные шестьдесят тысяч. Я подумал, что некоторые люди предпочитают платить за билеты, но удивительно не любят платить по счетам.

— На западной террасе тихо, — заметил Вельский. — Я хотел поговорить там с Ильёй. Теперь вижу, что полезнее будет поговорить с вами. Без зрителей и чужих ушей.

— Вы уверены, что разговор вообще понадобится? — спросила Марина.

— Я уверен лишь в том, что Артём умеет находить вещи, которые другие долго ищут. А судьба этих вещей порой оказывается сложнее, чем хотелось бы всем сторонам.

Елена у сцены принимала благодарности музыкантов. Семейное серебро оставалось за закрытой дверью её зала. Никто из нас пока не получил за него ни рубля. Вельский не сделал шага к этой двери. Он лишь указал на боковой выход, где начинался путь к террасе.

— Идти или нет, решать вам, — сказал он.

Марина слегка сжала мне здоровую руку. Я не забыл наш уговор: никаких решений в одиночку. Мы переглянулись, и она едва заметно кивнула.

— Пять минут, — сказал я. — И только разговор.

— Разумеется, — ответил Вельский. — Я ведь купил билет на концерт, а не на драку.

Я проводил его взглядом и подумал, что за последнее время научился различать две вещи. Человек может произнести

чистую правду. И всё равно оставить после неё ощущение, будто тебя только что попытались обокрасть.

За дверью западного выхода потянуло влажным вечерним воздухом. Вельский остановился у порога, ожидая нас. Где-то в фойе Фёдор ругался со служащим из-за пропавшего чехла от пальто. Музыканты смеялись, складывая инструменты. Вельский тем временем спокойно придержал перед нами дверь — теми же руками, которыми минуту назад мог остановить своих людей и не стал.

Я рассчитывал отделаться коротким разговором. Судьбу такие расчёты обычно веселили сильнее любых Фёдоровых шуток.

Глава 7. Скупщик всех кладов

На западной террасе пахло дождём, мокрой древесиной и дорогим табаком. Курить здесь запрещала табличка возле двери. Окурок в тяжёлой урне показывал, что население пока побеждало запрет.

Вельский вышел первым и остановился под навесом. За его спиной остались аплодисменты, музыка и люди, которым предстояло провести нормальный вечер. Я закрыл дверь, проверил, что Марина рядом, и прислонился к прохладному металлическому поручню здоровой рукой. Забинтованная кисть распухла. По ощущениям, она уже зарегистрировала собственную фирму по производству неприятностей.

— Вы обещали пять минут, — напомнил я.

— Вы обещали только разговор, — заметила Марина. — Начнём с того, что ваши люди больше не трогают Елену.

Вельский чуть повернул голову к ней.

— Пожелание разумное. Илья получил соответствующее распоряжение.

— Он получал распоряжения и раньше, — сказал я. — Только исполнял их почему-то дубинкой.

Коллекционер расстегнул пальто, но снимать его не стал. Под тёмной тканью мелькнула белая манжета. Я невольно посмотрел на запонки. С одной из них связывал слишком много неприятных воспоминаний, чтобы любоваться юве-

лирной работой. Однако рассматривать её как угрозу прямо сейчас было бы глупо: Вельский стоял передо мной, разговаривал обычным голосом и не делал ничего волшебного.

— Давайте без Ильи, — сказал он. — Я пригласил вас не разбирать ошибки помощника.

— А я пришёл именно за этим.

— Тогда вы напрасно потратили вечер. Вам предлагают гораздо более интересную работу.

Он произнёс это с такой уверенностью, словно мы уже обсудили зарплату и я опоздал на первый рабочий день.

— У меня есть работа, — ответил я. — Настоящая. С машинами. Они, конечно, тоже пытаются меня убить, но хотя бы не нанимают для этого посредников.

Вельский улыбнулся.

— Ваша мастерская не мешает заниматься поиском ценностей. Я покупаю старые предметы, вы находите их владельцев или сами обнаруживаете тайники. За удачную находку получаете процент. Существенный. Достаточный, чтобы больше не считать стоимость каждой повреждённой двери.

Марина посмотрела на меня. Вчерашнюю дверь мастерской действительно пришлось приводить в порядок за свои деньги. Я мог бы предложить коллекционеру оплатить ремонт как вступительный взнос, но он ждал другого ответа.

— Процент от чего? — спросил я. — От цены, которую вы объявите хозяину, или от той, за которую потом перепро-

дадите вещь?

— От окончательной сделки. Сумму вы увидите до передачи предмета.

— И вы полагаете, что я стану искать вам чужие тайники, потому что вы красивыми словами назвали это сделкой?

— Я полагаю, что вы умеете оценивать риск. Сегодня он принёс вам больную руку и благодарность хозяйки, которая ещё даже не рассчиталась с вами за работу.

Попал. Елена действительно ничего мне пока не заплатила. Мы не обговаривали сумму после драки: ей было не до денег, мне — не до торга. Но слышать это из уст Вельского оказалось неприятнее, чем очередной укол в кисти.

— С Еленой я сам разберусь, — сказал я. — Без вашего бухгалтерского сочувствия.

— Разумеется. А у меня есть несколько предложений, которые могли бы изменить вашу жизнь.

— Моей жизни уже достаточно перемен. Последняя повредила дверь и два сустава.

Вельский перевёл взгляд на Марину.

— Вы могли бы сопровождать Артёма. Я понимаю, что некоторые места требуют особой осторожности.

— О моей работе вы ничего не знаете, — ответила она.

— Мне достаточно знать, что вы оба вышли сегодня из зала своими ногами.

Марина не стала спорить. Только чуть отступила так, чтобы видеть и дверь, и открытую часть террасы. Я знал этот её

взгляд: она выбирала не красивые слова, а свободное место, куда можно увести меня, если вечер окончательно испортится.

— У вас осталось три минуты, — сказал я.

Вельский посмотрел на часы. На настоящие, обычные, без малейшего намёка на чудо.

— Тогда перейдём к делу.

Он достал телефон и показал мне фотографию. На экране лежала знакомая связка старых монет, снятая в витрине антикварной лавки. Снимок был сделан с улицы. Я узнал отражение вывески Фёдора и собственный автомобиль возле тротуара.

— Случайный прохожий? — спросил я.

— Человек, который умеет замечать интересные вещи. В Кобрине этого достаточно, чтобы получать новости раньше газет.

Он провёл пальцем по экрану. Появился снимок двора ресторана «Яблоневый двор» после нашей прошлой возни с золотом. Ни людей, ни тайника на нём не было. Обычная фотография для владельца, которому потом придётся чинить плитку.

— Ресторан, ателье, ночной рынок, — перечислил Вельский. — До меня доходят сведения, когда ценная вещь меняет руки. Особенно если рядом появляется человек, которого знают как копателя.

— Вы забыли кофейню, — заметил я.

— Значит, слухи не лгут.

— Или вы сами их распространяете.

Он убрал телефон. На снимках была моя жизнь, разложенная по чужим папкам. Вельскому хватило денег на фотографа, продавцов и Мезенцева; сверхъестественной прозорливости для этого не требовалось.

— Если знаете столько, зачем вам я? — спросил я.

— Потому что сведения о найденной вещи и способность найти следующую — разные ремёсла. Мои люди умеют покупать. Иногда слишком грубо. Вы умеете видеть там, где они проходят мимо.

— Где именно? — вмешалась Марина.

— В обычных местах. Дворы, действующие заведения, загородные участки. Никто не предлагает вам лезть в могилу ради старой легенды.

— Убедительно, — сказал я. — Особенно после того, как ваш помощник едва не вывез рояль вместе с полом сцены.

Вельский не повысил голос.

— Старый инструмент стоил гораздо меньше того, что в нём находилось. Хозяйка могла получить хорошую цену.

— Она не выставляла его на продажу.

— Люди часто не знают цены собственным вещам.

— Это не даёт вам права их забирать.

Коллекционер помолчал. За стеклянной дверью прошли двое музыкантов с футлярами. Один рассказывал другому, как публика приняла чужую драку за часть концерта. По его

выражению выходило, что организаторам теперь придётся ежегодно приглашать людей с дубинками ради кассовых сборов.

— Вы слишком близко принимаете чужие проблемы, — сказал Вельский.

— У меня редкий дар: когда человека бьют при мне, я почему-то замечаю.

— Он мешает делать деньги.

— Наоборот. Очень помогает понимать, кому нельзя доверять деньги.

Вельский снова посмотрел на меня, и улыбка его стала тоньше.

— Мы оба знаем, что старые клады не всегда принадлежат тому, кто стоит возле них с бумажкой. У одного наследник, у другого родственники, третий вообще умер много лет назад. Вы столько раз решали подобные вопросы, что должны были понять: тот, кто способен быстро заплатить, часто полезнее бесконечных споров.

— Вы сейчас предлагаете покупать людей вместе с вещами?

— Я предлагаю избавить их от бесполезного груза.

Марина тихо усмехнулась.

— Интересно, какой ценник вы повесили бы на человека, который сам не хочет продаваться?

— Такой человек вправе отказаться.

— Значит, откажемся, — сказала она.

Вельский посмотрел на меня, как будто её слова были предварительным мнением секретаря.

— Артём решит сам.

— Решу, — согласился я. — Но с Мариной мы уже договорились не играть в героев поодиночке.

— Похвально. Семейная дисциплина иногда оказывается сильнее коммерческого предложения.

— А иногда вовремя спасает от договора с человеком, у которого с самого начала отсутствует графа «совесть».

Коллекционер снова достал телефон. На этот раз не фотографию: открыл сообщение, прочитал и коротко напечатал ответ. Через стекло я увидел движение у боковой двери. Там возник Мезенцев, хотя пять минут назад ему велели уйти. Стоял поодаль, не входил, будто получил новую задачу. Я отметил это и не стал отвлекаться.

— У Елены серебро старое, — продолжил Вельский. — Оно могло бы стать украшением достойного собрания. Вместо этого предметы останутся за запертой дверью, где их даже не покажут специалистам.

— Это её дверь, — сказал я.

— До первой серьёзной финансовой трудности. Потом она сама придёт ко мне.

— И вы опять назовёте цену ниже той, которую готовы заплатить?

— У сделки всегда есть победившая сторона, Артём. И проигравшая. Сегодня госпожа Кравцова может считать се-

бя победительницей, но на деле она пока лишь проигравшая сторона, которой позволили сохранить вещи.

Я оттолкнулся от поручня. Меня взбесило спокойствие Вельского: о женщине с перевязанным коленом, защищавшей память отца, он говорил как о списанном оборудовании.

— Повторите, — попросил я.

— Не вижу смысла.

— Тогда я скажу за вас. Вы пытались купить чужое. Когда не получилось, ваши люди полезли с кулаками. А теперь объявляете хозяйку проигравшей, потому что не успели её ограбить.

— Вы приписываете мне чужие поступки.

— Вы их остановили одним словом. Значит, могли остановить раньше, если бы захотели.

Вельский остался неподвижен. На его лице мелькнуло раздражение, быстро спрятанное под привычной вежливостью.

— Разговор становится бесполезным.

— Наконец-то согласились, — сказал я. — Пять минут истекли.

Я повернулся к Марине. Она уже шагнула к двери, но Мезенцев оказался быстрее. Откуда он выскочил — из прохода возле кухни или с внутренней лестницы — я не заметил. Зато почувствовал его руку на плече со стороны забинтованной кисти. Пальцы сжались сквозь куртку, потащили назад.

— Стой, Горин. Виктор Сергеевич ещё не закончил.

— Уберите руки, — сказала Марина.

Мезенцев вместо этого толкнул меня к поручню. Раненая кисть стукнулась о металл, и боль ударила до локтя. Я шагнул в сторону, сбил его захват здоровым предплечьем и врезал коленом в бедро. Он выругался и попытался ухватить меня за воротник. Мы врезались плечами в урну. Та с грохотом покатилась по плитке, рассыпая мокрые окурки.

— Вот теперь за курение точно оштрафуют, — выдохнул я.

Мезенцев занёс кулак. Я успел пригнуться, и удар пришёлся в деревянную стойку навеса. Мужчина взвыл. Мы оба берегли по одной руке, поэтому драка получалась удивительно равноправной и совершенно бездарной.

Из боковой двери показался ещё один парень — тот, что днём пытался охранять проход к роялю. Он двинулся к Марине. Она не стала колдовать. Подхватила стоявший у стены складной стул и поставила между собой и его грудью. Парень налетел на спинку, запутался ногами и отскочил с таким выражением лица, будто стул первым предъявил ему претензию.

— Назад, — коротко сказала Марина.

Он снова шагнул вперёд. Я попытался двинуться к нему, но Мезенцев ударил меня в бок. Воздух вышел разом. Я вцепился здоровой рукой в его пиджак и развернул нас к стене, подальше от края террасы. Внизу, за перилами, была мокрая площадка, до которой никому из нас не хотелось лететь. Да-

же Мезенцев это понял и перестал тянуть меня наружу.

— Хватит! — приказал Вельский.

Ни один из его помощников не послушался. Отличная иллюстрация к разговору о качестве управления.

Мезенцев рванулся ещё раз. Я ударил его плечом в грудь. Мы проскользили по мокрой плитке до стены и остановились в полушаге от двери. Марина не отступала. Она держала стул так, чтобы второй нападавший не мог обойти её без риска получить ножкой по колену. В глазах у неё было столько злости, что я заранее пожалел человека, который решит пошутить о ведьмах.

Дверь террасы распахнулась, ударившись о доводчик.

— А вот и наш заказчик вечерних развлечений, — произнёс знакомый голос. — Мезенцев, ты снова принимаешь заказы, которые не можешь оплатить?

Важин вышел не один. С ним были двое сотрудников его агентства: плотный мужчина в серой куртке и высокий парень с коротко подстриженными волосами. Оба остановились у двери. Я видел их раньше и знал, что они умеют стоять в проходе так, чтобы у собеседника внезапно исчезало желание через него проскочить.

— Не лезь! — рявкнул Мезенцев. — Это не твоё дело.

— Наоборот, — ответил Важин. — Шестьдесят тысяч рублей — очень даже моё. А ты уже второй час делаешь вид, что их у тебя нет.

Важин шагнул между нами. Свою больную ногу он не де-

монстрировал, но переносил вес осторожно: старая травма не исчезала от плохого настроения. Я убрал руку с пиджака Мезенцева, сохраняя расстояние. Тот ещё собирался полезть снова, но заметил двоих у двери и остановился.

— У нас частный разговор, — холодно сказал Вельский.

— Он уже перестал быть частным, когда ваш помощник устроил драку на открытой террасе, — ответил Важин. — Мне его поймать второй раз за вечер куда труднее, чем один раз получить оплату.

— За что счёт? — уточнил коллекционер.

— За выполненную работу агентства. Документы у Ильи. Он получил услуги, срок оплаты прошёл. Сегодня обещал закрыть долг, а теперь бегает за человеком с забинтованной рукой, будто это поможет бухгалтерии.

— Это мои коммерческие отношения, — выдавил Мезенцев.

— Прекрасно. Тогда прекрати портить мою коммерческую беседу, — сказал Важин и повернулся к нему полностью. — Телефон доставай. Будешь объяснять, когда переводишь деньги. Без выступлений.

Марина опустила стул. Высокий сотрудник Важина сделал шаг в сторону, освобождая ей выход. Она не воспользовалась им сразу: подошла ко мне и осмотрела повреждённую кисть. Повязка сползла, кожа под ней неприятно ныла.

— Ты обещал только разговор, — сказала она.

— Я разговаривал. Это Мезенцев внёс в программу кон-

тактную импровизацию.

— В следующий раз предложи ему играть на барабанах. Головой.

Я хотел рассмеяться, но бок напомнил о себе. Пришлось ограничиться гримасой.

Вельский смотрел на нас, не вмешиваясь. Он мог бы уйти. Мог бы снова приказать Мезенцеву остановиться и тогда, возможно, убедить меня, что нападение действительно стало для него неприятной неожиданностью. Вместо этого он внимательно наблюдал, как люди Важина отрезали его помощнику путь к выходу, не касаясь никого руками.

— Вы собираетесь взыскивать деньги прямо здесь? — спросил коллекционер.

— Нет, — сказал Важин. — Здесь скользко, а я не люблю производственных травм. Мои люди проводят Илью до фойе. Там он спокойно назовёт время платежа. При необходимости я напомню ему о договоре завтра.

— Завтра меня не будет в городе, — бросил Мезенцев.

— Тем лучше. Переводы работают даже на выезде. Достижение цивилизации, о котором почему-то не знают должники.

Второй нападавший посмотрел на Вельского в ожидании приказа. Тот наконец произнёс:

— Уходите, Илья. И в этот раз исполните распоряжение полностью.

Мезенцев разгладил мятый пиджак. На правой кисти у

него краснела ссадина после удара о стойку. Он злобно глянул на меня, но ничего не сказал. Сотрудники Важина пропустили его к двери и пошли следом. Парень, который не справился со стулом, поспешил за ними. Важин задержался.

— Горин, ты цел?

— Настолько, что мне опять предлагают сомнительную работу.

— На этот раз с оплатой?

— С очень большой. Осталось понять, сколько человек должны пострадать, прежде чем я её получу.

— Тогда тебе точно не ко мне. У меня всё скучнее: счёт, срок, деньги.

Важин потёр старое болезненное колено, коротко кивнул Марине и пошёл вслед за своими. Я заметил, как он на ходу открыл телефон: новые сообщения уже требовали его внимания. Его интерес к Мезенцеву был собственным, не дружеской услугой мне. И от этого помощь оказалась даже надёжнее.

На террасе снова стало тихо. Только дождевые капли срывались с края навеса и постукивали по перевёрнутой урне. Я поставил урну на место. Окурки остались на мокрых плитках: чужие вредные привычки пока могли обойтись без моего вмешательства.

— Итак, — произнёс Вельский. — Мы отвлеклись.

— Вы серьёзно? — спросила Марина.

— Да. И я приношу извинения за поведение Ильи. Он

больше не будет иметь дела с концертным залом.

— А со мной? — спросил я.

— Это зависит от вашего выбора.

Я хотел уйти. Правда хотел. Но коллекционер не зря произнёс последнее слово с такой уверенностью. Он уже менял условия прямо на ходу, и мне нужно было услышать, куда теперь целится.

— У вас тридцать секунд, — сказал я.

Вельский достал из внутреннего кармана небольшую карточку без подписи. На ней были напечатаны время приёма и адрес выставочного комплекса «Дом коллекционера». Никаких магических символов я не увидел. Обычная плотная бумага, обычный дорогой шрифт. Из таких вещей, наверное, и строятся самые неприятные предприятия.

— Через несколько дней состоится закрытая продажа, — сказал он. — Несколько крупных партий: монеты, фамильные украшения, редкие предметы из частных собраний. Покупатели приезжают по приглашению. Я предложу им то, за что они готовы действительно платить.

— А владельцев вы тоже пригласите? — спросила Марина.

— Владельцы участвуют в таких вопросах по условиям сделок.

— У вас удивительный талант отвечать на вопрос так, чтобы после ответа хотелось проверить сейф, — сказал я.

Вельский будто не услышал.

— Мне нужны люди, которые умеют находить вещи до того, как за них начинают торговаться. Вы можете стать одним из них. Тогда неприятная история с серебром останется в прошлом.

— Она уже в прошлом, — ответил я. — Серебро у Елены.

— Сегодня — да. Завтра появятся новые находки, новые собственники и новые покупатели. Я предлагаю вам оказаться на стороне тех, кому платят, а не тех, кто после драки надеется на благодарность.

— Вы опять делите людей на победителей и проигравших.

— В торговле иначе не бывает.

Я взглянул на карточку, которую он протягивал. Взять её можно было здоровой рукой. Марина молча наблюдала. Никакого волшебного договора на бумаге не было, и всё же я прекрасно понимал: если возьму приглашение как согласие, Вельский истолкует это в свою пользу.

— Положите на столик, — сказал я. — Чтобы у вас не возникло иллюзии, будто мы пожали руки.

Вельский положил карточку рядом с пустым стаканом. Я не прикоснулся к ней.

— Ещё раз предлагаю подумать, Артём. До начала торгов у вас есть последний шанс прийти ко мне как партнёру. После — будете искать совершенно других людей и за совершенно другие деньги.

— Угроза?

— Предупреждение. Люди, проигравшие время, обычно

считают их одним и тем же.

Марина подошла ко мне вплотную.

— Мы сказали «нет», — произнесла она. — Другого ответа не будет.

Я кивнул.

— И ещё. Елена остаётся со своим серебром. Если Мезенцев или кто-то другой полезет к ней снова, разговор закончится гораздо быстрее.

— Ваша лояльность заслуживает уважения, — сказал Вельский. — Даже когда направлена не туда.

Он поправил манжету и направился к двери. На пороге остановился.

— До встречи, Горин. Не советую опаздывать к интересным находкам.

— А я не советую покупать билеты на концерт, если собираетесь устраивать цирк.

Вельский ушёл, и дверь закрылась без хлопка. Я стоял рядом со столиком, глядя на карточку. Адрес комплекса был настоящим. Продажа, судя по всему, тоже. Но сколько вещей на ней окажется чужими — я понятия не имел.

Марина первой нарушила молчание:

— Ты опять собираешься проверять его слова?

— Собираюсь понять, за кем он придёт следующим. После Елены меня не устраивает идея ждать, пока ещё кого-нибудь приложат дубинкой.

— Тогда завтра решаем вместе. Сначала твоя рука, потом

чужие неприятности.

— А ужин?

Она посмотрела на меня так, будто вопрос был особенно наглым.

— Ужин тоже. И желательно без призрака, коллекционера и трёх человек, предъявляющих счёт.

— С двумя я могу договориться. Призрак самый несговорчивый.

Мы вышли в фойе. У гардероба уже почти никого не осталось. Фёдор спорил с гардеробщицей о том, кто должен возместить цену испорченного рукава, а Елена говорила по телефону со своими сотрудниками. За дверью зала снова была обычная жизнь, в которой рояль требовал настройки, людям нужна была зарплата, а нечисть имела полное право не участвовать в чужих торгах.

У выхода Важин догнал нас. Он держал телефон и выглядел недовольным.

— С Мезенцевым я закончил на сегодня, — сказал он. — С долгом — нет. Завтра надо кое-куда съездить по другому делу. Скорее всего, тебе это тоже будет интересно.

— Я только что отказался от очень выгодного предложения, — сказал я. — Можно хотя бы одну ночь без нового?

— Можно. Поэтому сейчас и не рассказываю. Идите ужинать.

Важин направился к парковке, чуть прихрамывая. Марина взяла меня за здоровую руку. Мы наконец-то вышли на

улицу вдвоём, без преследователей, и добрались до машины. Я хотел считать это маленькой победой, но в голове всё ещё звучали слова Вельского о проигравшей стороне.

У коллекционера имелись деньги, помощники и покупатели. У меня — забинтованная кисть, недополученное вознаграждение за первый клад и подозрение, что следующую драку уже кто-то заказал. Неизвестным оставалось место новой драки. И имя человека, который в очередной раз перепутает право собственности с толщиной кошелька.

Глава 8. Чужой долг

Семён разбудил меня звоном ложки о чашку. Я потянулся за кружкой, дёрнул больной бок и выразился так, что Семён из-за кухонного шкафа одобрительно хмыкнул.

— Ты его записал? — спросил я домового. — Вдруг пригодится для переговоров с Вельским.

— Записал бы, да бумагу жалко. И тебя жалко. Немного, — сообщил Семён. — Там телефон надрывается. Возьми здоровой рукой, добытчик приключений.

У окна Марина грела ладони о чашку с чаем. После вчерашнего вечера она выглядела бодрее, но слишком долго смотрела на собственные пальцы, будто проверяла, слушаются ли они. Я попытался незаметно поднять телефон. Не получилось. От её взгляда у меня даже бинт зачесался.

— Если это очередной клад, — сказала Марина, — скажи, что ты на больничном.

— У копателей больничный оплачивают только лопатой по спине.

— Тогда пусть хотя бы не целятся в руку.

На экране высветился Важин. Я ответил, ещё надеясь, что он звонит сообщить об уплаченных Мезенцевым шестидесяти тысячах рублей. Чудеса случаются, особенно если коллекционер вчера очень убедительно просил своего помощника не позориться.

— Артём, помнишь, я обещал новое дело? — начал Важин.

— Помню. Ты обещал рассказать после завтрака. У меня как раз завтрак, поэтому технически ты нарушаешь договор.

— Я не знал, что с тобой надо согласовывать время по каше. Слушай адрес: скалодром «Пик». Работающий клуб, не руины. Ко мне обратился Тимофей Горчаков, один из владельцев. У него неприятности с людьми Вельского.

Марина сразу повернулась. Она услышала имя даже без громкой связи. Я показал ей экран, получил молчаливое разрешение продолжать разговор и спросил:

— Он кому-то должен?

— В том и дело, что нет. Люди Мезенцева требуют передать старую коллекцию монет. Говорят, иначе клубу не дадут спокойно работать. Тимофей позвонил мне из-за угроз и потому, что мы знакомы по одному обычному делу. Ничего он у меня не занимал. Я хочу понять, кто решил выдавать вымогательство за взыскание.

— А твои шестьдесят тысяч?

— Мезенцев не заплатил. Счёт никуда не делся. Но сейчас другая история. Собираюсь ехать через час. Ты можешь отказаться.

Сказать «отказываюсь» оказалось труднее, чем выговорить вчера на террасе то же самое Вельскому. Там напротив был Вельский с очередным предложением купить мою совесть. Здесь человек мог лишиться дела, в которое вложил

годы. Я посмотрел на Марину.

— Поезжай, — произнесла она раньше меня. — Посмотри, что происходит. Только не пытайся одной рукой победить спортивный комплекс.

— Там скалодром, а не противник.

— С твоим талантом они быстро поменяются ролями. Я займусь своими делами и подъеду позже, если понадобится. И не прячь от меня, что увидишь.

Важину я сказал, что буду. Семён немедленно потребовал взять еду и не возвращаться с чужими мертвецами. На вопрос, где он видел у меня мертвецов, домовой ответил, что предпочитает считать их до появления в прихожей. С такими прогнозами пора было открывать букмекерскую контору, но Семёну я эту мысль не озвучил.

До «Пика» мы доехали без приключений. Важин вёл машину сам, время от времени осторожно меняя положение ноги. После вчерашней террасы старое колено, судя по лицу, напоминало ему о каждой ступеньке. По дороге он сообщил только главное: Горчаков позвонил ночью, говорил быстро, дважды проверял, не слушает ли кто-нибудь разговор. И попросил не приезжать всем агентством сразу.

— Боится посетителей распугать? — уточнил я.

— Боится, что партнёры узнают о его семейных деньгах раньше, чем он сам решит, что с ними делать.

— Хорошая основа для здорового бизнеса. Все скрывают деньги и надеются, что сотрудники угадают, почему им

угрожают.

— Именно поэтому я позвал тебя, а не финансового консультанта. Ты хотя бы умеешь различать железо и золото.

— При нынешней кисти только на ощупь и с руганью.

«Пик» занимал два этажа действующего спортивного комплекса. Через стеклянные двери было видно яркое фойе, стойку регистрации и стену с разноцветными выступами, уходившую под самый потолок. На афише возле входа обещали завтрашние соревнования любителей. Сегодня тренеры проводили занятия, подростки спорили о маршрутах, а у автомата с напитками стояла очередь, в которой никто ещё не подозревал о грядущей охоте за золотом.

Важин отправился к администрации. Я купил разовый гостевой пропуск за семьсот рублей и вошёл как обычный посетитель. Администратор предложила мне вводное занятие, после чего посмотрела на повязку.

— Можно без нагрузки на руку, — поспешил я.

— Тогда вам удобнее кофе и обзорная галерея, — сказала она. — На стену с травмой нельзя.

— Спасибо. Наконец-то специалист, который не предлагает мне полезть повыше.

Галерея шла вдоль тренировочной площадки. Под ногами глухо пружинило покрытие, наверху скользили страховочные верёвки, снизу тренер терпеливо убеждал пожилого мужчину перестать спорить с собственной ногой. Мужчина отвечал, что нога заняла неправильную политическую по-

зицию. Я проникся уважением к обоим: в этом клубе люди умели сражаться безо всякой магии.

Бронзовый рельеф находился на широкой стене рядом с проходом к тренировочной зоне. На нём альпинист карабкался к вершине, а позади поднималась неровная полоса гор. Металл потемнел от времени, но ладони посетителей отполировали нижний край почти до блеска. Декорация выглядела старше самого клуба. Под ней стояла скамья, на которой две девочки пытались затянуть шнурки одинаково туго и обвиняли друг друга в мошенничестве.

Я прошёл мимо, не задерживаясь. В смертном просвете бронза выглядела совершенно обычной. Это ничего не доказывало: моя способность позволяла замечать нечисть и след сильной магии, но не тайник за металлической стенкой. Перстень на пальце тоже не превратился в кладоискательский прибор. К счастью: если бы он реагировал на каждый старый кусок металла, я давно не смог бы ходить по антикварным лавкам.

На втором круге я заметил возле рельефа мужчину в серой спортивной куртке. Он не смотрел на тренировку. Его интересовал нижний край бронзы, особенно место, где линия горы уходила к деревянной облицовке. Мужчина сделал снимок телефоном, спрятал аппарат и направился к тренерской комнате. За ним не погнался никто, кроме мальчика, который пытался вручить ему потерянную бутылку воды. Незнакомец отмахнулся, не глядя.

Мальчик обиженно застыл. Я поднял бутылку, поставил на ближайшую стойку и спросил сотрудницу, кому её передать. Та поблагодарила и вернулась к детям. Не хотелось, чтобы моя охота за подозрительными лицами превращала чужую тренировку в отдельную неприятность.

Важин вышел из административного коридора вместе с высоким, немного сутулым мужчиной лет сорока. На нём была футболка клуба, но часы и измятый пиджак выдавали человека, который весь день мечется между спортивным залом и финансовыми таблицами.

— Тимофей Горчаков, — представил его Важин. — Артём Горин. Покажешь ему свою стену. Потом поговорим без зрителей.

— Я уже видел, — сказал я. — И не один я. Мужчина в серой куртке её фотографировал.

Тимофей побледнел.

— Это их человек. Вчера приходил с Мезенцевым. Я просил больше не появляться в клубе, а он сегодня купил гостевой пропуск. Охрана не может запрещать вход каждому, кто мне не нравится.

— И правильно, — сказал Важин. — Пока он не нарушает правила. Ты лучше расскажи, чем его так заинтересовала бронза.

Тимофей пригласил нас в маленькую комнату за тренерской. На столе лежал календарь занятий, из коридора доносился смех. Дверь он прикрыл, но не запирал. Я сел ближе к

выходу: рука ещё плохо сгибалась, а вчерашние приключения научили не выбирать самый дальний стул без причины.

— Отец собрал золотые монеты, когда занимался металлом и ремонтом старых вещей, — начал Горчаков. — Не государственную коллекцию, обычное семейное собрание, которое досталось нам по наследству и покупкам. Потом у него были кредиторы. Он боялся, что всё заберут. Перед смертью говорил странные вещи: золото не ушло из семьи, нужно искать его возле горы, на которую никто не поднимается.

— Может, это было пожелание чаще заниматься спортом? — спросил я.

— Я тоже так думал. Но рельеф сделал сам отец. Ещё до открытия клуба он выкупил бронзовую композицию с другой площадки, переделал и подарил нам. Недавно я нашёл его старый снимок: на обороте написано «Не снимайте гору, пока не понадобится». Я не знаю, клад там или пустота. И никому не говорил о надписи.

— Мезенцеву тоже?

— Ему я показал только небольшую часть старой коллекции. Серебряные и медные монеты, которые храним отдельно. Он предложил выкупить всё за смешные деньги. После отказа заговорил о золоте. Значит, кто-то рассказал ему про отца. Теперь требуют передать коллекцию целиком, а если не передам, обещают проблемы с соревнованиями и партнёрами.

Я вспомнил вчерашний разговор с Вельским. Для него

любой владелец, не согласный с ценой, был человеком, который ещё не понял правил торговли. Тимофей сидел напротив, не похожий ни на героя, ни на жадного наследника. Он был просто испуган и старался не показывать этого на глазах у команды.

— Кто владеет клубом, кроме тебя? — спросил я.

— Анна Лапина. Мы вместе начинали. У неё половина доли, у меня половина. Про коллекцию она знает, про предполагаемое золото — нет. Не хотел втягивать.

— А рельеф принадлежит клубу или тебе?

— Отец передал его в зал как украшение. Мы оба считали его частью помещения. Документы есть, но я не собираюсь часами обсуждать бумагу. Просто если внутри что-то лежит, надо решить, как поступать.

— Решить придётся вам обоим, — сказал Важин. — И желательно раньше, чем за вас решит Мезенцев.

Тимофей нервно провёл ладонью по волосам. С улицы раздался короткий автомобильный сигнал, потом опять стало слышно только спортивную музыку. Я понимал, почему он медлил. Сказать партнёру «возможно, в стене лежит семейное золото» — значит одновременно признать, что ты держал её в неведении, пока вокруг клуба начали кружить чужие покупатели.

— Есть ещё одна подробность, — добавил Горчаков. — Отец всегда просил не ставить перед рельефом высокую мебель. Говорил, гору должны видеть все.

— Прекрасно, — сказал я. — Наш первый кандидат на тайник стоит в самом проходном месте. Осталось повесить над ним вывеску «Приходите с ломом».

Важин хмыкнул, но тут же посмотрел на телефон. Сообщения от его сотрудников касались всё того же неоплаченного счёта Мезенцева. Ни одного подтверждения перевода не было. Я предупредил Тимофея, что не стану трогать бронзу, пока не пойму, кто в действительности принимает решение в клубе. Иначе вместо помощи мы подарим Вельскому удобный повод назвать нас грабителями.

Вернувшись в зал, я увидел незнакомца в серой куртке у стойки напитков. Теперь он стоял рядом с тренером в чёрной форме. Тренер был широкоплечим парнем с короткой бородой; до этого я видел, как он страховал детей на низкой стенке. Незнакомец что-то сказал ему, достал из кармана плотный конверт и положил возле стакана. Тренер посмотрел внутрь, резко захлопнул клапан и отодвинул подарок обратно.

— Не на занятиях, — услышал я, проходя мимо к автомату. — У меня дети здесь.

— Так попросите всех уйти пораньше, — ответил незнакомец. — Деньги же за ваше время. Одна небольшая услуга.

Тренер поднялся. Конверт остался на столике. Я не стал изображать случайного прохожего с выдающимся слухом: подошёл открыто и попросил назвать цену кофе. Незнакомец осёкся. Тренер посмотрел на мою повязку и сказал:

— Автомат справа. И лучше чай. Кофе тут обещает гораздо больше, чем выполняет.

— У нас похожие клиенты, — сказал я. — Они тоже обещают много. А платят потом самому смелому.

Незнакомец в сером окинул меня быстрым взглядом и отвернулся. Он явно узнал человека с террасы. Из административного коридора появился Мезенцев, которому, судя по выражению лица, очень не понравилось обнаружить меня возле конверта.

— Горин, вы опять не в своём деле, — сказал он.

— Мой пропуск действительный. Семьсот рублей, между прочим. Не хотелось бы потерять инвестицию.

— Здесь частная территория.

— И действующий клуб, — отрезал тренер. — На тренировку вы записаны, ребята?

Мезенцев положил ладонь на спинку стула.

— Сергей, мы обсуждали, как убрать людей с площадки во время соревнований. Ничего личного. Администрация получит компенсацию.

— Уберите свои деньги, — сказал тренер, которого звали Сергей. — Я за детей отвечаю. Хотите договориться — идите к владельцам.

Он взял конверт двумя пальцами и сунул обратно незнакомцу. Тот не удержал его; конверт шлёпнулся на пол. У стойки засмеялись подростки. Сергей не улыбнулся. Я тоже: слишком хорошо представлял, зачем Мезенцеву пустая пло-

щадка, когда завтра здесь будет полно спортсменов.

— Убери своих людей, Илья, — сказал я негромко. — После «Северного» тебе не хватило впечатлений?

Мезенцев подался вперёд. Я не двинул повреждённой рукой, только сместился так, чтобы между нами не оказалось детей. Он это заметил и остановился. За моей спиной появился Важин.

— Ещё один разговор о добровольных пожертвованиях? — спросил он. — Как трогательно. Кстати, у тебя перед моим агентством всё ещё шестьдесят тысяч. Как только закончишь раздавать конверты, можно вспомнить о договоре.

— Не мешай, Важин. Это отдельная работа.

— Значит, и задолженность отдельная. Я умею считать больше одной строки.

Мезенцев сжал челюсти. Серый незнакомец поднял конверт, спрятал его и быстро направился к выходу. Важин уже хотел пойти следом, но я заметил другого мужчину у лестницы. Тот стоял неподвижно, хотя к нему чуть не врезался мальчишка с рюкзаком. Мужчина просто повернул голову и посмотрел на ребёнка. Мальчишка шарахнулся, будто наткнулся на ледяную стену.

Незнакомец был высоким, с тяжёлыми плечами и странно неподвижным лицом. На вид — крепкий спортсмен лет тридцати пяти, только глаза казались слишком внимательными, а кожа под яркими светильниками — серой. В смертном просвете я узнал в нём нежить, хотя передо мной стоял

вполне телесный мужчина, способный сломать чужую руку без всякого колдовства. Вурдалак. И явно не тот, кого стоило спрашивать о стоимости абонемента.

— Кто это? — тихо спросил я Важина.

Он проследил за моим взглядом. Нога у него заметно напряглась.

— Игнат Вьюгин. Работал по найму. Привычка брать плату вещами, которые потом невозможно вернуть. Я с ним не сотрудничаю.

Игнат подошёл к Мезенцеву так спокойно, словно тот вызвал его измерить давление. Разговор происходил возле открытого коридора; музыка приглушала слова, но я стоял достаточно близко, чтобы уловить главное.

— Рельеф тот? — спросил Игнат.

— Тот. Завтра люди будут заняты соревнованиями. Ты держишь проход, пока мы забираем своё, — ответил Мезенцев.

— Ваше или чужое — мне всё равно. Мне нужны золотые монеты. Не бумажные обещания. Что достанется первым, то пойдёт в счёт оплаты.

— Сначала работа, потом расчёт.

— Ты меня с мальчиком на побегушках перепутал, — негромко сказал Игнат.

Мезенцев на секунду опустил глаза. Это было занятное зрелище: человек, привыкший давить на владельцев клубов, внезапно обнаружил в собственной команде того, кто спосо-

бен давить сильнее. Игнат повернул голову в нашу сторону. Сначала посмотрел на Важина, потом на мою перебинтованную кисть. Ноздри его чуть дрогнули.

— Здесь пахнет старой дракой, — произнёс он.

— В спортивном зале? Невероятная редкость, — ответил я.

Вурдалак улыбнулся, показав слишком ровные зубы.

— Ты Горин.

— Зависит от того, кто спрашивает. Абонемент продавать поздно, я уже купил.

— Тогда пользуйся. Пока есть возможность.

Он прошёл мимо нас к бронзовой стене. Я не попытался его остановить. Посреди работающего зала, среди детей и тренеров, было бы глупо начинать бой, которого он явно не боялся. Игнат остановился в нескольких шагах от рельефа и посмотрел на металл. Никакого магического обнаружения он не продемонстрировал: просто оценивал место, входы и людей, как опытный налётчик.

Важин сказал мне почти беззвучно:

— Этот будет не ради Мезенцева стараться. Если найдёт монеты первым, заберёт и пошлёт нанимателя куда подальше.

— Отлично. У них уже началась внутренняя борьба за премию. Плохая новость: платёжный фонд у нас в стене.

Я позвонил Марине и коротко рассказал, кого встретил. Она не стала ни обещать мгновенный приезд через зеркало,

ни предлагать сражаться в зале со всеми сразу.

— Выводи Тимофея из одиночных решений, — сказала она. — И не лезь к вурдалаку с повреждённой кистью. Я освобожусь к вечеру и подъеду. Если в клубе станет опасно, уводите людей, а не золото.

— Звучит как разумный план. Мне от этого непривычно.

— Привыкай. У нас на завтра ещё ужин не отложен.

К концу разговора Мезенцев и Игнат уже направились к боковому выходу. Сергей вернулся к тренировке, хотя всё время косился на дверь. По залу снова расходились обычные команды: «левее», «держи корпус», «не прыгай без страховки». Пока никто не кричал от страха. Это было хорошее достижение для дня, который ещё не закончился.

Тимофей нашёл нас возле рельефа. Я рассказал ему о конверте, о разговоре Мезенцева с наёмником и о завтрашних соревнованиях. Про вурдалака объяснил коротко: Игнат опасен, физически силён и не обязан выполнять приказы того, кто его нанял. Подробностей о смертном просвете Тимофею не требовалось.

— Значит, они попробуют завтра? — спросил он.

— Похоже. И поэтому скрывать всё от Анны больше нельзя. Если ты промолчишь, а она откроет им подсобку или разрешит закрыть зал на час, виноват будет не только Мезенцев.

Тимофей сглотнул. На стенке в нескольких метрах девочка в синей майке добралась до верхнего зацепа и победно подняла ладонь. Из зала раздались аплодисменты. Горчаков

повернулся к детям и на миг перестал выглядеть человеком, которого загнали в угол.

— Это мы с Анной построили, — сказал он. — Половину маршрутов она сама выбирала. Если я сейчас расковыряю рельеф тайком, она меня выгонит раньше любого коллекционера.

— Правильно сделает, — ответил Важин. — Только лучше предупреди её, за что собираешься получить по шее.

Мы пошли в административный коридор. Анна Лапина оказалась энергичной женщиной с короткой стрижкой и списком забот, от которого мой вчерашний вечер показался спокойной прогулкой. Она слушала Тимофея без улыбки. Когда речь дошла до возможного золота внутри бронзы, повернулась ко мне.

— Вы сами это видели?

— Нет. Я видел рельеф, следы интереса чужих людей и того, кто собирается забрать всё силой. Тайник — предположение вашего партнёра. Проверять нужно руками и глазами, не за счёт детей на тренировке.

— А если внутри пусто?

— Тогда у вас останется рельеф и неприятная история. Уже дешевле, чем потерять клуб, поверив Мезенцеву.

Анна посмотрела на Тимофея.

— Ты должен был сказать мне вчера.

— Знаю.

— Нет, ты знаешь сейчас. Вчера ты хотел решить один.

Ладно. Завтра соревнования состоятся. Тренеров предупрежу, что посторонних за служебные двери не пускаем. Сергей никому не отдаст расписание за конверт. А после занятий мы решим, как проверить рельеф без цирка для публики.

— Если дадут дождаться конца занятий, — сказал Важин.

Анна посмотрела на него, потом на меня, и её голос стал жёстче:

— Так сделайте, чтобы дали. Только не устраивайте драку среди детей. Если понадобится, я сама включу весь свет и остановлю тренировку. Без разрешения коллекционеров.

Я поймал себя на мысли, что это первое за день по-настоящему полезное распоряжение. Никто не требовал золото заранее. Никто не обещал чудес. Совладелица клуба просто взяла ответственность за людей и помещение, которые действительно были ей доверены.

На выходе я ещё раз взглянул на бронзового альпиниста. Солнце через высокие окна ложилось на металл прямоугольными полосами; там, где свет не доставал, под рельефом сохранялась густая тень. Возможно, внутри лежало золото Горчакова. Возможно, только пыль. Я не мог это почувствовать ни перстнем, ни смертным просветом.

Зато теперь знал другое: Мезенцев готов купить человека ради прохода к стене, а Игнат Вьюгин заранее записал чужие монеты себе в оплату. Завтра к ним добавятся зрители, спортсмены и десятки случайных свидетелей. Плохой день для тайного воровства. И, зная мою удачу, замечательный

день для открытой драки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.